Абсолют—Помощь
благотворительный фонд

ОТЧЕТ О ПРИКЛАДНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

КРИЗИС, РЕСУРСЫ И ПАТТЕРНЫ ДЕЙСТВИЯ:

опыт клиенток и клиентов кризисных центров

«От уязвимости — к силе. Социальные факторы устойчивого преодоления кризиса: ресурсы, ценности, связи»

Автор исследования:
Петров Кирилл Алексеевич,
доцент Школы Вычислительных социальных наук
ЕУ СПб, кандидат философских наук

Исследование проводится с использованием пожертвования Благотворительного фонда «Абсолют-Помощь»

Екатеринбург - Санкт-Петербург
2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 2

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

ВВЕДЕНИЕ 7

ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Аналитическая рамка исследования 8
2. Цель, исследовательские вопросы и задачи 13
3. Дизайн и методология исследования 14
4. Этические принципы и ограничения 20
5. Структура исследования 21

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Как кризис становится «кризисом»: исчерпание доступной поддержки и начало самостоятельных действий 22
2. «Некуда идти»: переоценка доступных ресурсов 27
3. Мультипликация кризиса и взаимосвязь дефицитов 34
4. Доверие, стыд и управление риском 41
5. Восприятие ресурсов кризисного центра 46
6. Результаты онлайн-опроса 54
7. Неудачи и повторное обращение 60

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 68

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 71

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Анонимизированный список участников исследования 76

Приложение 2. Вопросы онлайн-анкеты 78

Приложение 3. Итоговый кодбук 84

От автора

К теме работы кризисных центров и приютов, а также связанной с ней проблематики уязвимости я обратился в 2020 году, когда мне и моим коллегам удалось начать сотрудничество с коллективом МОО «Аистёнок». Это сотрудничество во многом определило подход к исследованию уязвимости, который был реализован в настоящем исследовании. Я глубоко убеждён в том, что уязвимость нельзя рассматривать как категорию или ярлык, закрепляемый за определённой группой людей. Опыт моих собеседниц, как сотрудниц центров, так и их клиенток, позволяет увидеть уязвимость как универсальную характеристику человеческого существования, описанную Мартой Файнеман. Однако признание универсальности уязвимости не должно заслонять различий в том, как люди переживают и справляются с её последствиями. Поэтому не менее важно сохранять внимание к самостоятельности человека, его собственному опыту и тому, как этот опыт может быть представлен и передан другим. Это тот урок, который, я верю, мне удалось вынести из взаимодействия с сотрудницами МОО «Аистёнок».

Вместе с тем вопросы, поставленные в этом исследовании, выходят за рамки исключительно прикладного интереса к организации помощи. Как устроена повседневная жизнь, когда необходимо скрывать часть своего опыта? Как выстраивается доверие в ситуации постоянного риска или дефицита? Эти вопросы могут оставаться незаметными в повседневной жизни, однако они составляют важную часть опыта клиенток и сотрудниц кризисных центров и позволяют по-другому взглянуть на привычные представления о независимости, самостоятельности, личной автономии и основаниях социального порядка.

Темы, к которым обращается исследование, затрагивают чувствительные стороны человеческого опыта и требуют внимательного отношения как к эмоциональному и психологическому состоянию собеседниц, так и к обстоятельствам их жизни, о которых они рассказывают. В этом отношении помощь и поддержка сотрудниц кризисных центров были для меня незаменимы.

Без их участия, доверия и понимания специфики этой работы проведение исследования было бы невозможно.

В этом коротком предисловии я хотел бы выразить признательность всем сотрудницам российских кризисных центров, которые помогали в организации исследования, но чьи имена я не могу назвать. Отдельная благодарность – коллективу МОО «Аистёнок», у которого мне удалось учиться бережному отношению к человеку, которое лежит в основе повседневной работы центра. И, наконец, я благодарен всем собеседницам, которые нашли в себе силы и готовность поделиться своим опытом.

Предисловие.

Изменения в экономической и социальной жизни, ситуация кризиса, легли дополнительной нагрузкой на семьи, привели к снижению доходов, резкому режиму экономии, приближая к черте бедности и группе риска по семейному неблагополучию.

Многие семьи, попадающие в кризис, не имеют достаточных ресурсов самостоятельно справляться с жизненными трудностями и родительскими обязанностями: опыт сиротства, смерть супруга, болезнь родителя/ребенка, долги по кредитам и ипотеке, тюремное заключение супруга, затяжные семейные конфликты, семейно-бытовое насилие, разводы, жестокое обращение с детьми, жилищная неустроенность, бедность, зависимости, потеря работы. Для детей в таких семьях возникает риск того, что их могут отобрать у родителей (отказ от ребенка, изъятие его из семьи, временное помещение в учреждение государственной опеки по заявлению по причине трудной жизненной ситуации).

Как показывает практика, примером успешной, эффективной работы по сохранению ребенка в родной семье являются Кризисные центры временного проживания для женщин с детьми, которые по праву занимают важное место в системе профилактики социального сиротства и являются ключевым ресурсом регионов. Это необходимая услуга, которая встроена в общую систему оказания комплексной профессиональной помощи семьям во многих регионах. Исследования показывают - в 80-90% случаев помощь семье в преодолении кризиса предотвращает попадание ребёнка в детское учреждение.

Кризисные центры приходят на помощь, их задача – предоставлять временное жилье, оказывать своевременную поддержку в реабилитации семьи, преодолении временных трудностей, не допустив отказ/изъятие ребенка из семьи либо его помещение в сиротское учреждение.

В кризисных центрах предоставляется широкий спектр поддержки: помощь в оформлении документов, выплат, освоение навыков ухода за детьми, продуктовая, вещевая помощь, услуги юристов, адвокатов, психологов, циклы тренингов, посещение детьми группы дневного пребывания, трудовая реабилитация, содействие в трудоустройстве и пр. Помогающие специалисты обладают высокой квалификацией, имеют подготовку в сфере работы с семьями группы риска, их работа строится на технологии работы со случаем и строится на межсекторальном и сетевом взаимодействии, применяется индивидуальный

подход. Одна и та же ситуация женщины и ребенка может решаться по-разному, в зависимости от ресурсов территории.

Казалось бы, все логично. Чем больше ресурсов в регионе, разнообразнее спектр необходимых для семей услуг и чем лучше налажено межведомственное взаимодействие при работе с семьями в трудной жизненной/кризисной ситуации/СОП, тем быстрее и эффективнее проходит процесс реабилитации семей. И для большинства благополучателей кризисных центров происходят значимые изменения в жизни, успешно проходят процессы реабилитации и социализации, получается преодолеть кризис и выйти в самостоятельную жизнь (исследования, подтверждающие эффективность методов работы Кризисного центра https://aistenok.org/media/uploads/2021/02/16/tlmzwi.pdf).

Но анализируя большой опыт работы кризисных центров по стране, есть и определенное количество неудачных кейсов - когда семьи, воспользовавшись всем спектром услуг, не задействуют предоставленные им возможности, не могут преодолеть кризис, уходят из кризисных центров, не окончив реабилитацию, попадая в еще более сложные ситуации или вновь возвращаются в центры. Процент неудач в разных кризисных центрах варьируется от 10 до 15% (в некоторых и 20%). Неудачи требует бОльшей включенности специалистов, усиленной поддержкой на входе и выходе из КЦ, слаженной модели межведомственного взаимодействия, консолидации ресурсов территории.

Эта проблема достаточно актуальна для большинства кризисных центров (их насчитывается более 200 по РФ (Интерактивная карта приютов (стационаров) временного проживания для женщин с детьми на территории РФ https://aistenok.org/projects/karta).

Данное исследование направлено на решение одной из ключевых проблем в системе помощи семьям — низкую устойчивость результата. Объектом исследования являются Кризисные центры временного проживания, предоставляющие помощь женщинам с детьми в ситуации уязвимости. Основным источником данных являются полуструктурированные биографические интервью с клиентками кризисных центров, среди которых, в том числе, был выявлен опыт повторного обращения за помощью.

Понимание глубинных причин неуспешных кейсов: что движет данной категорией женщин? какие факторы, компетенции, система ценностей влияют на их решения? – даст возможность снизить процент неудач, повлияет на эффективность работы кризисных центров и помощь благополучателям, повысит компетенции и мотивацию специалистов, снизит случаи социального сиротства.

Исследование поможет субъектам профилактики по всей стране, которые имеют в составе своих организаций кризисные центры временного проживания, а также тем, кто вновь открывает Кризисные центры/расширяют спектр услуг в своих регионах, более профессионально сориентироваться в теме.

Данное исследование проведено с использованием благотворительного пожертвования БФ «Абсолют-Помощь» в рамках грантового конкурса научно-практических исследований социального развития в сфере помощи детям и молодым взрослым в ситуации уязвимости в ходе практики Межрегиональной общественной организации по содействию семьям с детьми в трудной жизненной ситуации «Аистенок» «От уязвимости - к силе. Социальные факторы устойчивого преодоления кризиса: ресурсы, ценности, связи».

Выражаем благодарность всем коллегам из регионов РФ, которые приняли участие в онлайн анкетировании. Отдельная благодарность коллегам из Негосударственного центра поддержки семей и детей "Вместе" и Ассоциации "МАКСОРА" г. Новосибирск.

Команда МОО «Аистенок»

Введение

Исследование посвящено анализу опыта клиенток кризисных центров и приютов с единичным и повторным обращением за помощью. В фокусе находятся особенности формирования кризисной ситуации, доступные ресурсы, способы действия, взаимодействие с системой помощи и изменения, произошедших после обращения. Повторное обращение не рассматривается как свидетельство неэффективности уже полученной помощи. Оно может быть связано с сохранением исходных ресурсных ограничений, возникновением нового кризиса, незавершённостью трансформаций, изменением жизненных обстоятельств, возвращением к прежним отношениям или, напротив, с сохранением кризисного центра как доступного и доверенного ресурса.

В исследовании демонстрируется, что каждая кризисная ситуация является результатом взаимодействия множества разнообразных факторов: жилищного и экономического дефицита, насилия, ограниченности социальных связей, зависимостей, отсутствия информации о способах преодоления. Одновременно с этим клиентки кризисных центров обнаруживают собственную агентность. В исследовании показано, что указанные факторы могут мультиплицироваться под влиянием устойчивых моделей формирования доверительных отношений и связанных с ними приемов управления рисками. Исследование сочетает биографическую перспективу и тематический анализ интервью корпуса интервью.

ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Аналитическая рамка исследования

В исследованиях социальной политики уязвимость (vulnerability) рассматривается не столько как индивидуальная характеристика человека, сколько как результат его положения в системе социальных отношений, распределения ресурсов и доступа к институциональной поддержке, которые задают специфические риски и набор потенциальных угроз. Например, в исследованиях кризисных центров в России Стувёй предлагает рассматривать безопасность не как объективно заданное состояние, которое можно установить исключительно через набор показателей, а как практику, формирующуюся в повседневных взаимодействиях и институциональных отношениях. На материале кризисных центров автор показывает, что представления о безопасности и способы её обеспечения зависят от конкретного контекста, профессиональных практик и возможностей самих женщин [Stuvøy, 2010]. Такой подход позволяет перенести фокус с индивидуальных дефицитов клиенток на отношения между их потребностями и доступными ресурсами. Это хорошо согласуется с работами Марты Файнеман, которая предлагает рассматривать уязвимость как универсальное, но дифференцированно распределенное условие человеческой жизни, зависящее от доступа в том числе к институциональным ресурсам [Fineman, 2008; Fineman, 2016]. В этом отношении актуальные исследования уязвимости предполагают анализ не идентичности, а социальных структур и взаимоотношений.

В своей практике сотрудники кризисных центров различают разные уровни уязвимости: кризис, трудную жизненную ситуацию и социально опасное положение. Хотя в повседневной речи они могут использоваться как близкие по смыслу обозначения неблагополучия, эти понятия имеют разное происхождение и функции. В социально-психологической перспективе кризис можно рассматривать как ситуацию нарушения привычного порядка жизни, когда имеющиеся способы решения проблем оказываются недостаточными, а дальнейшее развитие событий становится неопределённым. Кризис не обязательно представляет собой одномоментное событие. Он может складываться постепенно, накапливаться в течение длительного времени и становиться видимым для окружающих лишь тогда, когда прежние способы преодоления перестают работать.

Для анализа обращений в кризисный центр особенно важно, что кризис имеет субъективное и временное измерение. Событие, которое специалисты определяют как кризисное, не всегда совпадает с моментом, когда сама женщина начинает воспринимать ситуацию как требующую внешнего вмешательства. Кризис не должен отождествляться и с конкретным юридическим статусом или фактом обращения в кризисный центр. Понятие трудной жизненной ситуации имеет более точное значение в российской системе социальной помощи. В Федеральном законе № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» оно определяется как объективное нарушение жизнедеятельности, которое гражданин не может преодолеть самостоятельно. Среди примеров называются: инвалидность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определённого места жительства, семейные конфликты и жестокое обращение. При этом, данная категория не исчерпывает всего содержания клиентского опыта. Женщина может находиться в трудной жизненной ситуации, но не считать себя переживающей кризис. Возможна и обратная ситуация: субъективно переживаемый кризис не всегда сопровождается формальным признанием права на определённый вид поддержки.

Социально опасное положение относится к категории, используемой в российской практике социальной защиты, профилактики безнадзорности и защиты детей. В отличие от общего понятия трудной жизненной ситуации, оно связано с оценкой обстоятельств, создающих угрозу жизни, здоровью или нормальному развитию человека, а в контексте работы с семьями – с оценкой обстоятельств, связанных с безопасностью и благополучием детей. Это понятие имеет особое значение в случаях, когда работа с женщиной и её детьми организуется одновременно несколькими учреждениями. Ситуация может интерпретироваться через безопасность детей, выполнение родительских обязанностей, жилищные условия или наличие насилия в семье. В результате одна и та же ситуация получает разные институциональные определения в зависимости от того, какая организация и в отношении кого принимает решение. Представленное аналитическое различение ценно для интерпретации повторных обращений, которые, могут быть отнесены к длящемуся состоянию трудной жизненной ситуации или новому кризису. Вместе с тем мы предлагаем рассматривать их как разнообразные проявления более общего социального феномена уязвимости, выражающегося как в системной нехватке или отсутствии

доступа к важным материальным и социальным ресурсам, так и в ограниченной способности справляться с возникающими рисками и управлять ими.

Домашнее насилие занимает важное место в исследованиях уязвимости женщин, однако его аналитическое значение не следует ограничивать непосредственным физическим или психологическим воздействием. В социологической литературе насилие рассматривается также в контексте неравенства, контроля над повседневной жизнью и неравномерного распределения материальных и социальных ресурсов. В работе Б. Лян и соавторов обращение за помощью в ситуации насилия рассматривается как процесс, включающий несколько взаимосвязанных этапов: определение ситуации как проблемы, принятие решения обратиться за помощью и выбор источника поддержки [Liang et al., 2005]. Эта модель важна тем, что не сводит обращение к непосредственной реакции на отдельный эпизод насилия. Решение обратиться за помощью зависит от того, как женщина интерпретирует происходящее, какие последствия связывает с раскрытием ситуации и какие варианты поддержки считает доступными. Это открывает, с одной стороны, возможность учитывать роль биографического опыта в оценке уязвимости, а с другой, анализировать паттерны действий, через которые выражается агентность. В исследовании А. Бёрджесс-Проктор, основанном на биографических интервью с женщинами, пережившими домашнее насилие, решения об обращении за помощью анализируются через жизненные траектории и предшествующий опыт виктимизации и сопротивления [Burgess-Proctor, 2012]. Такой подход позволяет отказаться от представления о помощи как о единственном решении, которое женщина либо принимает, либо отвергает, и вместо этого рассматривать множество попыток изменить ситуацию, их последовательность и последствия.

Последствия насилия и возможности обращения за помощью различаются в зависимости от материального положения, наличия детей, состояния здоровья, миграционного статуса, географической доступности услуг и характера социальных связей [Morgan et al., 2017]. Отдельное значение имеет стигматизация. Н. Оверстрит и Д. Куинн выделяют три взаимосвязанных измерения стигмы в ситуации насилия и кризисной ситуации: общественные представления, обесценивающие опыт переживших насилие; интернализацию таких представлений; и ожидание негативной реакции окружающих после раскрытия ситуации [Overstreet, Quinn, 2013]. Эти механизмы позволяют объяснить, почему наличие формальных служб помощи не означает, что обращение в них становится простым или очевидным решением. Для настоящего

исследования домашнее насилие следует рассматривать как один из факторов формирования и воспроизводства уязвимости, который может сочетаться с жилищной нестабильностью, бедностью, социальной изоляцией и ограниченным доступом к поддержке. Оно не должно становиться единственным объяснением всех трудностей клиенток кризисных центров. В этом смысле повторные обращения следует рассматривать как последствия домашнего насилия, социальных ограничений и попыток восстановления контроля над собственной жизнью.

Одним из наиболее недооценённых ресурсов преодоления как кризисной, так и трудной жизненной ситуации можно считать сети поддержки, которые аналитически определяются через различие сильных и слабых связей. Сильные связи обычно предполагают близость, регулярность контактов, взаимные обязательства и эмоциональную вовлечённость. Они могут обеспечивать повседневную помощь, уход, временное жильё и эмоциональную поддержку. Вместе с тем близкие отношения могут сопровождаться контролем, зависимостью, конфликтами и ограниченностью доступных ресурсов. Слабые связи, напротив, соединяют человека с менее близким социальным окружением и могут обеспечивать доступ к информации, новым контактам и возможностям, отсутствующим внутри привычной сети отношений. В классической работе М. Грановеттера слабые связи рассматриваются как важный механизм передачи информации и соединения относительно разобщённых социальных групп [Granovetter, 1973]. Исследование о слабых связях и расширении возможностей женщин показывает, что контакты за пределами непосредственного круга общения могут открывать доступ к социальному, экономическому и культурному капиталу [Crowell, 2004]. Это означает, что социальную поддержку необходимо рассматривать не только с точки зрения количества контактов или субъективной близости отношений, но и через доступ к конкретным ресурсам. В этом смысле принципиально важным оказывается вопрос о том, что именно позволяет сделать та или иная связь: предоставить жильё, помочь с уходом за детьми, дать информацию, обеспечить эмоциональную поддержку или связать женщину с организацией.

Однако подобная перспектива имеет принципиальное ограничение: она фиксирует конфигурацию связей в определённый момент времени, но не объясняет, как эта конфигурация сложилась и почему она изменяется. Между тем траектория обращения за помощью – это процесс, разворачивающийся во времени. Именно здесь возникает необходимость в биографическом подходе,

который позволяет рассматривать жизненный опыт человека в его временной последовательности, связывая отдельные события с представлениями о возможном будущем.

Классической основой биографического подхода в социологии считается работа У. Томаса и Ф. Знанецкого. Дальнейшее развитие этот подход получил в работах представителей Чикагской школы, а в 1980-е годы пережил новый подъём [Bertaux, 1981; Ferrarotti, 1983]. В качественной социологии биографическое интервью используется для реконструкции жизненных траекторий и анализа того, как люди придают смысл пережитым событиям. Важным является не только то, что произошло, но и то, как сами участники связывают события между собой, объясняют свои решения и переосмысливают прошлый опыт. Так в уже упоминавшейся работе Бёрджесс-Проктор демонстрируется, как биографические интервью позволяют выявлять связь между опытом насилия, социальными обстоятельствами и последующими стратегиями обращения за помощью [Burgess-Proctor, 2012]. Биографический подход тесно связан с традицией life course approach, сформировавшейся в работах Г. Элдера и его коллег. В отличие от «истории жизни» как метода сбора данных, «life course perspective» предлагает теоретическую рамку для анализа того, как индивидуальные траектории встроены в историческое время и социальные структуры.

Ресурсный подход позволяет связать индивидуальные биографии с социальными условиями, в которых женщины принимают решения и пытаются изменить свою жизнь. В этом подходе важно различать наличие ресурса, возможность получить к нему доступ и способность использовать его для достижения определённой цели. Формальное наличие ресурса ещё не означает, что он доступен человеку или может быть преобразован в устойчивое изменение жизненной ситуации. Социальные связи могут обеспечивать доступ к материальным благам, информации, признанию и институциональным возможностям. Однако доступ к ресурсам через социальные отношения неравномерен: он зависит от положения человека в социальной структуре и от характера его связей [Bourdieu, 1986]. Ресурс может быть достаточным для решения непосредственной задачи, но недостаточным для изменения более широких условий жизни.

2. Цель, исследовательские вопросы и задачи

Цель исследования – реконструировать опыт формирования и преодоления кризисных ситуаций у клиентов, обращающихся в кризисные центры, с вниманием к повторным обращениям и к тому, каким образом ресурсы помощи используются, преобразуются и включаются в дальнейшие жизненные стратегии.

В соответствии с целью был сформулирован следующий **исследовательский вопрос**:

Как формируются траектории повторного обращения в кризисные центры и приюты и какую роль в этих траекториях играют разнообразные ресурсы помощи, сохраняющиеся ограничения и изменения жизненных обстоятельств?

Подвопросами, позволяющими раскрыть содержание основного исследовательского вопроса, являются:

1. Какие обстоятельства и сочетания ресурсных ограничений приводят к первому обращению за помощью в кризисный центр?
2. Как клиентки и клиенты центров принимают решение обратиться за помощью, формируют запрос и взаимодействуют с ресурсами кризисного центра?
3. Как полученные ресурсы используются женщинами и какие изменения происходят в их материальном положении, способах действия и конфигурации отношений после обращения?
4. При каких обстоятельствах происходит повторное обращение и как женщины объясняют связь между предыдущим опытом помощи, последующими изменениями и новым кризисом?
5. Какие условия способствуют сохранению достигнутых изменений, а какие связаны с их ограниченностью, временным характером или незавершённостью?

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. Реконструировать биографический и ситуационный контекст кризиса;
2. Выявить основные ресурсные дефициты и доступные источники поддержки;
3. Проанализировать способы действия и формы агентности участниц;

4. Исследовать практики обращения за помощью и барьеры доступа к ней;
5. Проанализировать роль кризисного центра как источника материальных, социальных, юридических, психологических и иных ресурсов;
6. Проследить способы получения, использования и преобразования ресурсов;
7. Выявить непосредственные и долгосрочные результаты помощи, а также её границы;
8. Проанализировать опыт повторного обращения;
9. Сопоставить качественные результаты с данными онлайн-опроса.

3. Дизайн и методология исследования

3.1. Аналитическая рамка.

В соответствии с целью и задачами исследования основу методологического подхода составляет биографическая перспектива, реализуемая в рамках качественного исследования. В её рамках индивидуальная жизненная история рассматривается во взаимосвязи с социальными условиями и институциональными структурами. Основная идея биографического подхода состоит в том, что жизненный опыт нельзя понять через набор отдельных событий или социально-демографических характеристик. В социологии, ориентированной на биографический подход, особое значение имеют работы Фрица Шютце [Schütze, 1977; Schütze, 1983] и Габриэле Розенталь [Rosenthal, 1995]. Шютце разработал метод биографически-нарративного интервью, ориентированный на получение развернутого рассказа респондента о собственной жизни. В этой традиции рассказ рассматривается не просто как источник сведений о прошлом, но как способ организации опыта: последовательность событий. Акценты и способы объяснения позволяют исследовать, как человек осмысляет собственную биографию. Розенталь, в свою очередь, подчёркивает необходимость различать историю пережитых событий и ретроспективную биографическую интерпретацию этих событий.

В рамках такого подхода биографическое интервью выполняет две взаимосвязанные функции. Первая – реконструкция последовательности событий. Исследователь стремится установить, какие обстоятельства предшествовали определённому событию, какие решения принимались, какие изменения происходили и как отдельные эпизоды соотносились друг с другом. Вторая – изучение субъективной интерпретации опыта. Важно не только то, что

произошло, но и то, как собеседница объясняет произошедшее, какие обстоятельства считает значимыми, как оценивает собственные действия и каким образом связывает прошлый опыт с текущей ситуацией. При этом ретроспективный рассказ не следует рассматривать как буквальное воспроизведение прошлого. Воспоминание формируется из текущей позиции человека и может изменяться в зависимости от последующего опыта. Поэтому аналитически необходимо различать произошедшие события, их описание участницей и исследовательскую интерпретацию этого описания. Для настоящего исследования это различие особенно важно.

Классическое биографически-нарративное интервью Шютце предполагает относительно открытый начальный вопрос, позволяющий респонденту самостоятельно организовать рассказ, после чего интервьюер задаёт уточняющие вопросы. Такая организация направлена на минимизацию преждевременного вмешательства исследователя в структуру повествования. В настоящем исследовании используется полуструктурированное биографическое интервью, а не как строгое применение классического метода нарративного интервью Шютце. Также исследование дополняется перспективой жизненного пути - life course approach. Здесь жизненный путь понимается как последовательность взаимосвязанных событий, социальных ролей и переходов, формирующихся в определённых институциональных и исторических условиях. Человек не просто проходит через отдельные жизненные события: возможности и последствия каждого события зависят от предшествующего опыта, возраста, семейного положения, доступных ресурсов и положения в социальной структуре.

В исследованиях жизненного пути обычно выделяют несколько взаимосвязанных принципов, которые используются в настоящем исследовании как аналитические ориентиры.

1. Развитие на протяжении жизни

Жизненный опыт и последствия событий следует рассматривать в контексте всей предшествующей биографии. Значение кризиса зависит не только от текущей ситуации, но и от накопленного опыта, предшествующих отношений и ранее доступных ресурсов. Это позволяет учитывать, что одинаковые по внешним характеристикам кризисные ситуации могут иметь разные последствия в зависимости от жизненной истории женщины.

2. Взаимосвязанные жизни

Жизненные траектории людей связаны с траекториями значимых других: партнёров, детей, родственников и других участников социальных отношений.

Решения женщины могут зависеть от необходимости заботиться о ребёнке, от ресурсов партнёра или от поддержки родственников. В этой перспективе семейные и близкие отношения рассматриваются одновременно как возможный источник поддержки и как фактор, определяющий ограничения доступных действий.

3. Временная и историческая обусловленность

Жизненные события происходят в конкретных институциональных, социальных и исторических условиях. Возможность получить жильё, социальную поддержку или защиту зависит не только от индивидуальных решений, но и от доступности соответствующих институтов и ресурсов в конкретном контексте. В рамках исследования это предполагает учёт условий, в которых женщины обращаются за помощью, и доступных им институциональных возможностей.

4. Значение времени и последовательности событий

Значение события определяется не только его содержанием, но и тем, когда оно происходит относительно других жизненных событий и переходов. Анализ последовательности событий позволяет проследить, как предыдущие кризисы и эпизоды получения помощи влияют на последующие решения и возможности женщин.

5. Агентность в условиях ограничений

Люди принимают решения и действуют в пределах доступных возможностей, однако эти возможности структурированы социальными, экономическими и институциональными условиями. Ограниченный выбор не означает отсутствия агентности. В настоящем исследовании это означает, что действия женщин рассматриваются с учётом как их собственных решений и стратегий, так и ресурсных ограничений, зависимости от других людей и доступности помощи.

3.2. Выборка и источники данных

В совокупности эти принципы позволяют связать индивидуальные рассказы участниц с более широким социальным контекстом. Жизненный путь рассматривается одновременно как процесс, формируемый действиями человека, и как процесс, ограниченный доступными ресурсами, институциональными условиями и взаимозависимостью с другими людьми. Такое понимание позволяет анализировать кризисные ситуации и повторные обращения с учётом не только непосредственных обстоятельств, но и предшествующего жизненного опыта, изменений социальных отношений и доступных возможностей для выхода из кризиса.

Описанные выше принципы задают аналитическую рамку и определяют эмпирический дизайн исследования, имеющего качественный и ретроспективный характер. Основным источником данных являются 58 полуструктурированных биографических интервью, проведённых в марте и августе 2026 года с клиентками кризисных центров и приютов. Опыт повторного обращения был выявлен у 20 клиенток. Эти материалы дополняются результатами 11 полуструктурированных интервью с сотрудницами центров (см. приложение 1). Сотрудницы рассматриваются отдельно и не включаются в число клиенток с повторным обращением.

Все интервью были записаны на аудио. Общая продолжительность аудиоматериала составила 85 часов 8 минут. Минимальная продолжительность интервью составила 40 минут, средняя – около 74 минут.

Основные блоки интервью включали:

1. Жизненный и социальный контекст участницы;
2. Формирование кризисной ситуации;
3. Доступные до обращения ресурсы и ограничения;
4. Принятие решения об обращении за помощью;
5. Опыт взаимодействия с кризисным центром;
6. Полученные ресурсы и способы их использования;
7. Изменения после получения помощи;
8. Сохраняющиеся проблемы и зависимости;
9. Повторные обращения и обстоятельства возвращения;
10. Субъективная оценка собственного опыта и последующих изменений.

Такое построение позволяло одновременно сохранять сопоставимость интервью и оставлять пространство для индивидуальной биографической последовательности.

Дополнительным описательным источником служит онлайн-опрос, проводившийся с 29 июля по 17 августа 2026 года и состоявший из 26 вопросов (см. приложение 2). В нём приняли участие 111 респондентов, из которых 19 указали на опыт повторного обращения. Данные опроса использовались для получения материала, позволяющего сопоставить отдельные наблюдения, выявленные в интервью, и уточнить обнаруженные паттерны действий. Выборка для онлайн-опроса формировалась целенаправленно через кризисные центры. Критерием включения являлся опыт обращения за помощью и/или пребывания в кризисном центре в соответствии с условиями набора участников исследования. Поэтому данные не предназначены для статистического обобщения на всех

женщин, обращающихся в кризисные центры. Обобщение в исследовании носит аналитический характер: результаты соотносятся с теоретической рамкой и могут быть применимы к схожим контекстам при условии сходства условий, что обеспечивается подробным описанием случая и процедуры отбора. Под повторным обращением в исследовании понимается новое обращение участницы в кризисный центр или другую организацию после завершения либо прекращения предыдущего эпизода помощи. Продолжение одного непрерывного эпизода сопровождения не рассматривается как повторное обращение. В исследовании учитывается любое повторное обращение, независимо от того, было ли оно связано с аналогичной или иной кризисной ситуацией. Такое определение позволяет анализировать повторное обращение как эмпирическое событие, не приписывая ему заранее определённого значения. В частности, повторное обращение может быть связано как с сохранением проблем, так и с возникновением новой ситуации или с использованием ранее освоенного институционального ресурса.

Аудиозаписи интервью транскрибировались локально на компьютере с использованием системы Whisper. Локальная обработка использовалась для ограничения передачи чувствительного интервью-материала внешним сервисам. Полученные автоматически транскрибированные тексты полностью проверялись вручную. Транскрипты были анонимизированы. Названия организаций, географические обозначения и другие сведения, потенциально позволяющие идентифицировать участников или конкретные места, не включаются в представление результатов. Все основные этапы качественного анализа: проведение интервью, подготовка транскриптов, кодирование и интерпретация материала осуществлялись одним исследователем. Кодирование осуществлялось в программе QDA Miner Lite. Исследователь не имел профессиональной или организационной связи с кризисными центрами. Это обстоятельство учитывалось как способ минимизации институциональной зависимости интервьюируемых от исследователя.

3.3. Аналитическая стратегия.

Для анализа интервью использовался тематический анализ (thematic analysis), представляющий собой метод качественного анализа, направленный на выявление, систематизацию и интерпретацию повторяющихся смысловых паттернов в массиве данных. Он применяется для изучения общих смысловых закономерностей в рассказах участников, сохраняя при этом возможность

учитывать различия между отдельными случаями. В работе Вирджинии Браун и Виктории Кларк [Braun & Clarke, 2006] тематический анализ представлен как гибкий метод качественного исследования, который может использоваться в различных теоретических и эпистемологических рамках. Авторы подчёркивают, что тематический анализ предполагает не простое перечисление тем, упомянутых респондентами, а систематическую аналитическую работу с данными, направленную на выявление паттернов, имеющих значение для исследовательского вопроса. В последующих работах Браун и Кларк выделяют несколько подходов к тематическому анализу, в том числе рефлексивный тематический анализ, подходы, основанные на кодбуке, и подходы с акцентом на согласованность кодирования. Эти подходы различаются пониманием роли исследователя, способом формирования кодов и тем, какое значение придаётся стандартизации аналитических процедур.

Для настоящего исследования важно различать три аналитических уровня:

1. Первичный код – обозначение конкретного смыслового фрагмента, отражающего определённое действие, обстоятельство, ресурс, отношение или интерпретацию.
2. Аналитическая категория – группа связанных кодов, позволяющая обобщить несколько близких, но не тождественных эмпирических проявлений.
3. Тема – более широкий паттерн значения, объединяющий категории и позволяющий ответить на исследовательский вопрос.

В исследовании также проводится различие между описательным и интерпретативным уровнями анализа. На описательном уровне фиксируется, о чём говорит участница: например, о нехватке жилья, отсутствии дохода или страхе обращения в государственные учреждения. На интерпретативном уровне рассматривается, как эти обстоятельства связаны между собой и какое значение они приобретают в траектории кризиса и получения помощи. Поскольку в исследовании использовался подробный иерархический кодбук с определениями, критериями включения и исключения, процедуру корректнее описывать как тематический анализ с разработкой и уточнением кодбука.

Первый этап анализа предполагал систематическое выявление в интервью смысловых фрагментов, относящихся к исследовательским вопросам. На этом этапе формировался широкий массив кодов, отражавших разнообразие обстоятельств кризиса, доступных ресурсов, способов действия участниц и их опыта взаимодействия с системой помощи. Первичное кодирование позволяло

сохранить эмпирические различия между высказываниями, которые на более позднем этапе были объединены в более широкие аналитические категории. Кодированию подвергались смысловые фрагменты, содержащие относительно завершённое высказывание о значимом событии, действии, ресурсе, отношении или результате. Границы фрагмента определялись его смысловой завершённостью и связью с исследовательским вопросом.

Массив кодов, появившийся после сплошного кодирования, выполнял функцию эмпирической карты корпуса интервью. Он позволял систематически возвращаться к конкретным фрагментам данных, сопоставлять случаи и отслеживать повторяющиеся, а также отличающиеся паттерны. После формирования первоначального массива кодов проводилась работа по его аналитическому упорядочиванию и сокращению. Его задачей было выделение содержательно значимых направлений анализа. Коды, отражавшие близкие аспекты одного явления, могли объединяться в более широкие категории. Таким образом, переход от первоначального массива кодов к итоговому кодбуку представлял собой переход от детализированного описания эмпирических фрагментов к более компактной аналитической модели, сохраняющей существенные различия между случаями. Кодбук тематического анализа представлен в приложении 3.

4. Этические принципы и ограничения

Исследование затрагивает потенциально чувствительные темы, включая домашнее насилие, потерю жилья, экономическую зависимость, отношения, заботу о детях и опыт обращения за институциональной помощью. В связи с этим особое значение имели добровольность участия, конфиденциальность и защита идентичности участниц. Аудиоматериалы и транскрипты обрабатывались с использованием процедур, направленных на снижение риска идентификации. В представлении результатов не используются сведения, позволяющие установить личность участниц или конкретные места проведения исследования. Интервью строились с учётом того, что участница могла не отвечать на отдельные вопросы или прекращать обсуждение тем, которые она считала чрезмерно чувствительными.

Исследование имеет несколько ограничений.

Во-первых, качественная выборка является целенаправленной и неслучайной. Поэтому результаты нельзя переносить на всех женщин, обращающихся в кризисные центры.

Во-вторых, исследование имеет ретроспективный характер. Участницы описывают уже произошедшие события, поэтому анализ позволяет реконструировать воспринимаемые ими последовательности и связи, но не обеспечивает прямого наблюдения за изменениями во времени.

В-третьих, выводы о связи между помощью и последующими результатами не являются причинными. Даже если участница связывает определённое изменение с помощью кризисного центра, аналитически необходимо учитывать другие обстоятельства её жизненной ситуации.

В-четвёртых, опыт повторного обращения анализируется на основании рассказов 20 клиенток из 58 клиенток качественной выборки. Эти случаи дают возможность исследовать различные траектории повторного обращения, но не позволяют оценить распространённость повторных обращений среди всех пользователей кризисных центров.

В-пятых, онлайн-опрос также основан на добровольной неслучайной выборке. Поэтому его результаты могут быть подвержены самоотбору респондентов и должны интерпретироваться как описательные.

5. Структура исследования

Представление результатов исследования выстраивается начиная с описания представлний о формировании кризисной ситуации к последующим траекториям обращения за помощью. Сначала рассматриваются обстоятельства кризиса и ресурсная ситуация участниц. Затем анализируются способы действия, барьеры обращения и процессы формирования запроса. Следующий блок посвящён ресурсам кризисного центра и способам их использования.

После этого рассматриваются непосредственные результаты помощи и более длительные изменения в практиках действия, отношениях, зависимости и доступе к ресурсам. Отдельный аналитический блок посвящён повторным обращениям. Такое построение позволяет рассматривать повторное обращение не как изолированный конечный показатель, а как часть более широкой жизненной и ресурсной траектории участницы.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Как кризис становится «кризисом»: исчерпание доступной поддержки и начало самостоятельных действий

Характерной чертой проанализированных интервью является то, что повествование о кризисе часто начинается с момента, обозначаемого как «некуда идти» или «осталась совсем одна». Эта точка представляет собой не начало кризиса, а кульминационный момент его развития: ранее доступные способы действия и источники поддержки начинают восприниматься как исчерпанные или недостаточные. Тем самым в нарративе собеседниц кризис предстает как ситуация, в которой привычные способы его разрешения перестают работать.

И развестись не могу, и пособие никакое я не получаю, вот из-за него [бывшего мужа] я на улице оказалась. Мы с ним [с малолетним ребенком] в подъезде спали. Нас в декабре, когда выгнали, и нам некуда было идти. Мы спали с ним в подъезде два дня (Александра, 55 лет)

…И получается, я стою на очереди с детского дома на жильё. Его до сих пор не получила, то есть пойти мне некуда, снимать мне негде, жить с родителями алкоголиками я не могу. И получается, так вышло, что некуда было пойти. Я вот в Интернете нашла эту организацию [кризисный центр] (Альбина, 21 год)

Распространенным механизмом утраты социальной поддержки, упоминаемым в интервью, становятся смерть или болезнь близких. В случае смерти близкого человека речь прежде всего идет об утрате источника помощи, поддержки и безопасности.

Давайте начнём тогда, как я попала в [кризисный центр] вообще. То есть у меня умер муж, и у меня потом умерла мама. Всё, значит, и у меня дети. То есть, и вот старший сын [совершеннолетиний]… значит… мы как раз купили квартиру, и мы там, ну, буквально прожили год или два. Муж, когда умер, мне старший сын сказал, э-э-э «Давай дели!» (Анна, 48 лет)

Болезнь близкого, напротив, приводит к необходимости направлять дополнительные время, деньги и эмоциональные силы на организацию заботы. При этом затраченные на заботу ресурсы, по словам собеседниц, редко компенсируются поддержкой со стороны других родственников. Женщины

могут получать лишь временную помощь, не позволяющую существенно перестроить собственную жизнь или перераспределить возникающую нагрузку. В результате вклад в заботу не конвертируется ни в устойчивое признание со стороны окружающих, ни в материальные ресурсы, хотя бы частично соразмерные понесенным затратам. Так Ксения прямо говорит, о том, что забота о больных детях оказывается в зоне ответственности матери.

Значит, э-э-э, ну, понятно, что мамам, наверное, больше тяжело, чем папам. Но всё равно весь-весь груз заботы на маму ложится. И никто не помогает в этом (Ксения, 42 года)

В случаях, связанных с домашним насилием кульминационной точкой развития кризиса, связанного в том числе с исчерпанием ресурсов чаще всего, становится непосредственная угроза детям, их физическому, сексуальному или психологическому благополучию, а также ситуации, в которых дети становятся свидетелями насилия. Переломным оказывается не столько момент осознания собственной потребности в изменениях, сколько ситуация, в которой дальнейшее бездействие начинает восприниматься как угроза благополучию другого. В этих случаях сама модель «оставленности» формирует импульс к самостоятельному действию. Таким образом, импульсом, побуждающим к самостоятельному действию, является с одной стороны исчерпание социальных ресурсов помощи, а с другой, ответственность за будущее другого человека.

Я не раз ругала его, дралась с ним не раз. А когда он при мне ребёнка избил. До меня дошло, что надо что-то делать (Дарья, 37 лет)

В интервью собеседницы часто рассказывают, что до обращения в кризисный центр или приют пытались получить помощь от друзей и родственников.

Тут очень прямо важный момент, извините, всё-таки скажу. Вот то, что все отгораживались. И никто мне не помогал. Все настолько отгораживались, никто не готов был мне помогать. Я имею в виду, когда я была в браке, мне… там… моя жизнь была под угрозой. Даже мои родители… Мне не помогал никто, прямо не хотел никто помогать. Боялись или почему, не знаю (Василиса, 40 лет)

На основании всего массива интервью можно выделить несколько факторов, ограничивающих вовлеченность ближайшего окружения клиенток кризисных центров.

1. **Ограниченный ресурс помощи.** Родственники и друзья могут быть готовы оказывать поддержку, однако чаще способны делать это лишь в течение относительно короткого времени. Кроме того, отсутствие у них опыта взаимодействия с подобными ситуациями ограничивает понимание того, какие действия могут способствовать разрешению кризиса.
2. **Истощение отношений вследствие затяжного кризиса.** Продолжительное кризисное состояние постепенно меняет характер взаимодействия между женщиной и ее окружением. Помощь, первоначально воспринимаемая как временная поддержка, может становиться постоянной потребностью. В результате возникает восприятие ситуации со стороны близких как свидетельства несамостоятельности женщины, ощущение, что она недостаточно вкладывается в решение собственной проблемы.
3. **Противоречие между уязвимостью и самостоятельностью.** Само присутствие в сети поддержки не обеспечивает доступ к необходимым ресурсам. Для женщины находящейся в трудной ситуации необходимо демонстрировать, что она заслуживает помощь, на которую претендует. Это двусмысленный образ: женщине приходится балансировать между необходимостью предъявлять себя как нуждающуюся в помощи и необходимостью доказывать способность самостоятельно действовать, используя получаемые ресурсы правильным с точки зрения донора способом.
4. **Стигматизация.** Если кризис связан с болезнью, потерей работы, насилием или другими социально чувствительными обстоятельствами, участие близких может сопровождаться ощущением риска их собственной стигматизации. В таких случаях частью окружения выбирается стратегия дистанцирования от проблемы вместо непосредственного включения в ее разрешение.
5. **Риск для самого женщины.** В ситуациях домашнего насилия вовлечение родственников и друзей может восприниматься как потенциально опасное: угрозы, публичные вспышки гнева, попытки контролировать контакты женщины и другие формы давления создают у близких ощущение, что

поддержание отношений с ней сопряжено с риском для самой женщины, что также ведет к стратегии «дистанцирования».

6. **Давление со стороны агрессора и восстановление прежней конфигурации отношений.** Если женщина пытается прекратить отношения, давление со стороны агрессора может распространяться на родственников и знакомых. В этих условиях часть окружения стремится восстановить прежнюю конфигурацию отношений, в том числе убеждая женщину вернуться к партнеру. При этом данную стратегию следует рассматривать как эмпирически зафиксированную в отдельных интервью, а не как универсальный механизм поведения ближайшего окружения.

Перечисленные факторы не обязательно присутствуют одновременно в каждом случае. Скорее, они задают границы, внутри которых собеседницы определяют доступность внешней поддержки и выстраивают стратегии выхода из кризиса. При этом пункты 1–3 могут быть интерпретированы через концепцию «спирали потерь» (*loss spirals*): люди, уже утратившие часть ресурсов, оказываются более уязвимыми к последующим потерям, что создает процессы накопления и взаимного усиления ресурсного истощения [Hobfoll, 1989; Hobfoll, 2001]. Эта динамика осложняется механизмом деградации социальной поддержки [Bolger et al., 2000; Lin et al., 1979]. Поддержка не является полностью безвозмездным действие: ее получение предполагает включение в отношения взаимности, которые могут создавать обязательства перед теми, кто оказывает помощь. В условиях ресурсного истощения выполнение таких обязательств само требует дополнительных ресурсов [Portugal, 2009]. Каждое последующее обращение за помощью может предполагать необходимость ответного действия, которое еще больше ограничивает возможности человека и способствует дальнейшему истощению ресурсов. Например, Арина рассказывает о том, что помощь со стороны друзей превратилась в требование одного из супругов следить за женой:

> *А вот потом была Э-э, у меня там определённая ситуация тяжёлая с ребёнком, мне её [подруги] муж помог. Но он решил, что, значит, я буду ему как-то докладывать, что происходит там. Меня это, конечно, не устраивало… (Арина, 48 лет)*

Показательно, что даже ретроспективно собеседницы не всегда могут сформулировать исходный запрос на помощь. Это может отражать не отсутствие

потребностей, а недостаток опыта взаимодействия с институциями и языка для описания собственных дефицитов. Так только заселившаяся в кризисный центр Руслана отвечает на мой вопрос о планах и представлении о будущем для себя и детей:

[Интервьюер]:Какие у вас как планы? Чего бы хотелось вам?
[Руслана]:Пока не думаю об этом
(Руслана, 39 лет)

В ситуациях домашнего насилия поиск помощи нередко первоначально ориентирован не столько на получение определенного ресурса, сколько на поиск авторитетной фигуры или институции, способной «восстановить порядок». В отдельных случаях это выражается в желании добиться физического вмешательства в ситуацию; чаще в надежде, что родственники, знакомые или другие значимые люди смогут повлиять на агрессора. Подобные ожидания, увеличивая риски для тех, кто может потенциально оказать поддержку ведет к еще большему истощению социальной помощи.

Вывод по разделу

В рассматриваемых нарративах кризис становится отчетливо артикулированным не столько в момент возникновения неблагоприятных обстоятельств, сколько тогда, когда исчерпываются привычные способы получения поддержки и разрешения проблемы. При этом переход к самостоятельному действию часто запускается не стремлением к автономии как таковой, а ответственностью за другого, прежде всего, за детей или других зависимых близких. Возможности неформальной поддержки ограничиваются совокупностью факторов, связанных с ресурсной ограниченностью окружения, затяжным характером кризиса, противоречивыми требованиями к получателю помощи, стигматизацией и, в ситуациях домашнего насилия, рисками и давлением со стороны агрессора. Таким образом, обращение в кризисный центр предстает не как первый шаг выхода из кризиса, а как результат предшествующего процесса поиска и постепенного исчерпания доступных способов его разрешения. При этом самостоятельное действие в данном контексте не обязательно означает решение проблемы собственными силами. Оно может заключаться в самостоятельном поиске нового источника поддержки, включая обращение к институции, которая способна предложить ресурсы и способы действия, недоступные в ближайшем социальном окружении.

2. «Некуда идти»: переоценка доступных ресурсов

Исчерпание ресурсов поддержки определяет стремление найти помощь где-то вне ближнего круга. Важным каналом получения информации о кризисных центрах оказывается «дальний круг» - знакомые, коллеги, врачи, представители органов опеки и другие люди или институции, не относящиеся к ближайшему окружению. После исчерпания возможностей, связанных с сильными связями, участницы становятся более чувствительными к информации и рекомендациям, поступающим через более слабые социальные связи. В соответствии с подходом М. Грановеттера, такие связи могут выполнять функцию передачи новой информации и обеспечивать доступ к ресурсам, отсутствующим в ближайшем окружении [Granovetter, 1973].

Помогают почему-то чужие люди, вот помогают, например... Да, какие-то вот абсолютно [незнакомые] люди, которых… а вот близким, видимо, не нужны чужие проблемы (Раиса, 42 года)

Однако сама по себе рекомендация обычно не является достаточным условием для обращения в кризисный центр. Обращение может откладываться из-за страха и стыда, в том числе из-за опасений, что необходимость искать внешнюю помощь свидетельствует о том, что женщина «не справилась сама». В отдельных случаях существенную роль играют опасения возможного изъятия детей. Такие опасения легче преодолеваются, если рекомендация исходит от человека, имеющего собственный опыт взаимодействия с кризисными центрами или социальной сферой. Осторожно это можно интерпретировать как снижение ожидаемой стигматизации и неопределенности: рекомендации, основанные на личном или профессиональном опыте, делают обращение за помощью более понятным и социально легитимным действием. Так Владислава рассказывает о затягивании решения проблемы домашнего насилия. Но решение приходит после совета обратиться в центр со стороны подруги имевший опыт взаимодействия.

И вот как раз это вот в 6 часов вечера мне сообщила подруга, что можно обратиться в [кризисный центр]. Я позвонила, уже никто трубку не взял. Ну, естественно, в 6 часов вечера. Я просто собрала чемодан дочери, чемодан с собой, и на следующее утро на трамвае просто приехала (Владислава, 36 лет)

[Елизавета]: И мне посоветовали, посоветовали знакомые обратиться в центр.

[Интервьюер]: А не помните, кто это?

[Елизавета]: А кто-то из девочек с работы, именно с работы, с [название кафе], кто-то из девчонок у них жил и мне говорит: «Ты позвони», - говорит, они как-то… помогают (Елизавета, 47 лет)

[Интервьюер]: А вы знали про кризисный центр уже?

[Евгения]: Ну, вот когда первые разы стала искать… Ну, логически, да… я от подруги знала, что они существуют (Евгения, 36 лет)

Ретроспективно нарратив «некуда идти» часто трансформируется в более конкретный запрос – обрести «собственное жилье», то есть безопасное пространство, в котором возможно восстановление контроля над собственной жизнью и организация повседневности. Сопоставление интервью женщин, недавно обратившихся за помощью, с интервью участниц, уже получивших ее, позволяет предположить, что выделение жилищного вопроса в качестве центрального частично является результатом взаимодействия с сотрудниками центров и юристами. Особенно отчетливо это проявляется в случаях домашнего насилия. Первичным мотивом обращения здесь может выступать необходимость немедленного обеспечения безопасности, тогда как потребность в устойчивом проживании постепенно осознается как одно из условий долгосрочного выхода из кризиса. Взаимодействие с сотрудниками кризисного центра способствует переопределению ситуации: первоначально смутное переживание небезопасности или отсутствие ясного представления о дальнейших действиях постепенно преобразуется в более конкретное понимание необходимых ресурсов и направлений работы с кризисом.

Дальше [после заселения] как-то хорошо [все пошло]. Там [в опасном месте] ты не останешься жить… Ищи ***здесь*** *работу, жильё, то есть… потому что у нас как было при заселении? Вот, я когда заселилась, мне дали куратора моего, с которым мы сели вот так вдвоём и составили чёткий план действий. То есть вплоть до того, что когда я иду на прививку с ребёнком, когда я иду на медосмотр с ребёнком, когда я иду делать ту или иную бумажку (Нелли, 34 года)*

На примере следующих фрагментов интервью с клиентами центров виден переход к решению проблем с недвижимостью:

- А сейчас вы какие у вас планы дальше-то?

- А дальше вот у меня идёт на очереди квартира. Я договорился тут, потому что я искал квартиру (Григорий, 65 лет)

- Ну, какие планы у вас [ближайшие]?

- Да, у меня сейчас квартира – вот сейчас здесь, чтоб решился вопрос. Квартира – [необходимое сейчас] решение (Таисия, 36 лет)

Действие в условиях ресурсного истощения

В процессе такого переопределения ситуации участницы обнаруживают и переоценивают собственные ресурсы, которые могут быть мобилизованы для выхода из кризиса. На этом этапе речь прежде всего идет о внутренних ресурсах, связанных с готовностью к действию и субъективной способностью влиять на ситуацию. Это выражается в формулах: «я должна ради детей», «я не боюсь любой работы», «здоровье позволяет мне». Переоценка собственных ресурсов может закреплять новую форму самоощущения, в которой самостоятельность сочетается с ответственностью перед другими.

Я знаю, что такое, когда человеку трудно. Когда у меня есть возможность, мне ничего не жалко. Я помогу и так [деньгами], и физически там… помочь поднести, помыть, вот это всё. Не боюсь работы
(Лада, 50 лет)

Вместе с тем такая ориентация на самостоятельность не имеет исключительно позитивную коннотацию. Готовность действовать «ради детей» или соглашаться на «любую работу» может расширять пространство возможных действий, но одновременно способствовать переходу к прекарной занятости (временной и низкоплачиваемой без социальных гарантий). Это особенно важно при наличии детей, утрате значимых социальных и экономических ресурсов. Формирование агентности в этом случае не обязательно означает накопление ресурсов или устойчивое улучшение положения: самостоятельное действие осуществляется в условиях ограниченного выбора и может сопровождаться новыми формами уязвимости. Таким образом, действие в этой конфигурации разворачивается внутри «спирали истощения»: поиск ресурсов требует новых затрат, а необходимость вновь обращаться за помощью повышает требования к способности объяснить свою уязвимость и одновременно продемонстрировать самостоятельность. Паттерн действия оказывается способом управления

истощением. Ее основная задача состоит в поиске возможностей действовать в ситуации, когда предыдущие источники поддержки уже частично или полностью исчерпаны.

> *Это [текущая] очень тяжёлая работа, потому что ты фактически при графике четыре дня, ты четыре смены ты работаешь, два дня ты отдыхаешь, но отдыхать абсолютно не получается. Вот. Ну, и вот в связи с тем, что я трудностей не боюсь вообще. Я силу в себе чувствую, что я могу, я ещё могу (Стелла, 51 год)*

«Стратегическая зависимость»

Иная конфигурация обнаруживается в интервью, где нарративы «некуда идти» и «надо что-то делать самостоятельно» выражены значительно слабее или вовсе отсутствуют. В высказываниях сотрудников в отношении части таких клиенток может использоваться категория «иждивенчества». При этом она не предполагает ограничения или прекращения помощи, а, скорее, указывает на обеспокоенность сотрудников тем, насколько эффективной оказывается оказываемая поддержка, насколько глубоко человек вовлечен в переживаемый кризис и в какой степени готов участвовать в поиске способов его разрешения. Использование этой категории в аналитическом описании требует осторожности. Материалы интервью позволяют предложить другую интерпретацию: в этих случаях речь идет не просто о пассивном получении помощи, а о своеобразной стратегии зависимости, основанной на постоянной работе по поддержанию отношений. Для этой группы часто не характерна ясно выраженная точка вхождения в кризис. Напротив, необходимость обращения за помощью нередко объясняется внешними обстоятельствами или силами, представленными как находящиеся вне непосредственного контроля человека:

> *Я переехала, потому что у нас в республике начались проблемы… ну с языком, с учебниками (Стелла, 51 год)*

В подобных нарративах заметнее участие окружения в организации помощи, а сам способ решения проблем предполагает перемещение между различными сетями поддержки и последовательное получение ресурсов из разных источников.

И раз я там в [республике] осталась одна, я чё буду там делать? Мне же всё равно одной скучно. И я жила со старшей дочкой… ну, отец ребёнка, он мне предложил по переселению [программе переселения переехать]…
(Фекла, 43 года)

По сравнению со стратегией, формирующейся в условиях ресурсного истощения, этот способ действия характеризуется большей управляемостью обращения за помощью. Здесь каждое последующее обращение также может становиться более затратным: необходимо вновь обосновывать потребность в поддержке, компенсировать полученную помощь или демонстрировать готовность использовать ее для восстановления самостоятельности. Однако сама женщина в большей степени контролирует эти процессы, стремясь распределить получаемые ресурсы. Так одна из собеседниц описывает запутанные отношения между ней, ее вторым мужем, его родственниками, а также от и их общей знакомой, получая помощь от всех:

Да, смогу ли я жить с ним [вторым мужем]?. Мы ещё к нему на родину ведь ездили. С детьми. И с билетами тоже помогала она [общая знакомая] туда-обратно, считай. Хотя хорошо зарабатывала, видимо… Потом, когда я сама себе поставила цели, я, ну, как, раз думала, я хочу своё жильё. Раз, допустим, уже время было: поздний срок [беременности], [стало понятно] что нельзя было убирать [ребенка]. И я сказала: «Нет, это как!» Мой ребёнок, я буду его [рожать]. Я хочу своё жильё, крышу над головой. Я оставила и вот и считай, для себя, раз оставила и-и пожила для себя. Вот [ребенок] родился, я там пособия вот эти родовые, всё получила, всё. Я ещё и им [родственникам мужа] отсылала. Спрашивается: «Зачем? У тебя же свой ребёнок, это же надо всё для своих детей». Ну, мы как бы… Я и сейчас же им помогаю. Я всё делаю для них. Что им нужно ещё? (Фекла, 43 года)

В этом фрагменте хорошо виден механизм работы с сетью помощи. Право на ее получение может обосновываться вложение имеющихся ресурсов, что заставляет часть клиентов еще больше зависеть от центров. Такой способ существования в сети помощи, предполагает относительный контроль, но и создает специфические формы зависимости, предполагающие постоянное дистанцирование от кризисной ситуации и от собственной ответственности за ее возникновение. Негативные события в такой логике описываются преимущественно как *происходящие* с человеком, а не как результат его собственных действий. Это дистанцирование проявляется, в частности, в отсутствии четко выраженного нарратива о собственном участии в

формировании кризисной ситуации. Для сохранения права на помощь необходимо поддерживать представление о том, что кризис не является следствием собственных ошибок или сознательных действий. Такой паттерн сравнительно слабо ориентирована на трансформацию существующих отношений, социальных иерархий или положения самой женщины. Напротив, она в большей степени направлена на воспроизводство и поддержание уже доступных сетей. В этом отношении ее можно рассматривать как относительно консервативную стратегию, потенциально закрепляющую женщину в существующей системе отношений и зависимости.

Такая стратегия может быть эффективна в краткосрочной перспективе, поскольку облегчает получение поддержки и снижает необходимость непосредственно признавать собственную ответственность за происходящее. Однако в долгосрочной перспективе она ограничивает возможности изменения. Постоянное перемещение между источниками помощи требует поиска новых отношений и новых оснований для получения ресурсов. В результате вместо трансформации существующей ситуации может происходить воспроизводство зависимости от постоянно меняющихся сетей поддержки. В конечном счете эта стратегия также может приводить к ресурсному истощению.

У меня подружка есть, она хуже меня живёт. То есть она не знает, куда обратиться. Потому что везде официально работу спрашивают. А у неё тоже… она кредит взяла, а погасить не может. Так как не работает. Потеряла недавно работу […] Я как бы их отослала от себя. Потому что, когда они у меня жили, я полностью в долгах из-за них была ещё хлеще. Ну и, короче, я не выдержала, сказала: «Идите отсюда куда хотите!»

(Серафима, 36 лет)

Вывод по разделу

Нарратив «некуда идти» фиксирует момент, когда кризис переживается как исчерпание прежней конфигурации поддержки и возникает необходимость искать новые источники ресурсов. При этом обращение в кризисный центр не всегда начинается с четко сформулированного запроса: само понимание необходимых ресурсов формируется в процессе взаимодействия с институтами помощи. Материалы интервью позволяют выделить две различающиеся конфигурации действия. Первая связана с ресурсным истощением: самостоятельное действие возникает как ответ на сокращение доступной

поддержки, однако попытки восстановить контроль над ситуацией могут сами требовать новых затрат и усиливать уязвимость. Вторая связана со существованием в сетях поддержки, при которой получение помощи требует постоянной работы по поддержанию отношений и социального признания. Такая стратегия предполагает активность, но преимущественно ориентирована на воспроизводство существующих сетей поддержки, а не на изменение самой конфигурации зависимости. Таким образом, различия между участницами целесообразно интерпретировать не через противопоставление самостоятельности и зависимости, а через различия в исходной ресурсной позиции и способах организации действия. И самостоятельный поиск новых возможностей, и активное использование существующих сетей могут представлять собой формы агентности. Однако ни одна из них сама по себе не гарантирует устойчивого выхода из кризиса: действие может одновременно расширять доступные возможности и воспроизводить ресурсные ограничения. Это позволяет перейти от вопроса о том, «действует» ли женщина, к вопросу о том, какие ресурсы доступны ей, каким образом она получает к ним доступ и приводит ли их использование к устойчивому изменению жизненной ситуации.

3. Мультипликация кризиса и взаимосвязь дефицитов

Нарратив «некуда идти» выступает в интервью отправной точкой, от которой собеседницы разворачивают повествование в обе стороны временной последовательности. Реконструкция решений и обстоятельств, приведших к потере жилья или невозможности самостоятельного проживания, оказывается наиболее полной в случаях, когда сотрудникам центра удалось урегулировать жилищную ситуацию и тем самым выделить ее как отдельную проблему.
Среди предшествующих обстоятельств можно выделить:

- Неудовлетворительные условия проживания;
- Трудности с оформлением прав на жилье после выхода из детского дома или вступления в наследство;
- Рискованные сделки с недвижимостью;
- Недостаток правовых и финансовых знаний;
- Необходимость срочно покинуть жилье вследствие насилия;
- Неподготовленные или слабо мотивированные переезды;
- Нестабильную занятость;
- Зависимость от партнеров или родственников, особенно усиливающуюся в связи с заботой о детях.
- Алко- и наркозависимость.

Эти факторы, накладываясь на другие дефициты: образования, навыков самоконтроля и т.д. они могут усиливать друг друга и ограничивать способность предотвращать последующие потери.

3.1. Дефицит институциональных, правовых и практических знаний

Часть интервью указывает на недостаток знаний о правах, обязанностях и процедурах взаимодействия с государственными и правовыми институтами. Особенно отчетливо эта проблема проявляется в отдельных историях выпускниц детских домов и людей, выросших в неблагополучных семьях. Распространенным сюжетом становится незнание о правах на недвижимость, возможностях оформления жилья или получения других форм помощи, а также откладывание действий, необходимых для реализации этих прав.

> *Я, кстати, очень сильно тогда боялась, потому что мало тоже знала законы юридические и думала, что действительно я там останусь на улице, если что-то случится (Василиса, 40 лет)*

[Сабина]: Мы займёмся этим вопросом, что я жильё до сих пор так и не получила.

[Интервьюер]: А вы не знали, что жильё вам полагается или как-то?

[Сабина]: Я узнала только в прошлом году, потому что, когда мне было 21 год исполнилось, и мне сказали: «А всё, уже поздно на очередь вставать»

(Сабина, 34 года)

Важен, однако, не только сам дефицит информации. Некоторые биографические траектории формируют и специфическое отношение к собственным правам: отказ следить за их реализацией, обращаться в соответствующие инстанции или добиваться положенных ресурсов. В этом смысле опыт социализации в условиях детского дома или неблагополучной семьи может быть связан не только с недостатком институциональных знаний, но и со сформированным способом действия. Малоресурсная среда может закреплять ориентацию на отказ от защиты собственных интересов: подобный отказ от собственных интересов может представлять собой попытку снизить непосредственные риски, сохранить значимые отношения или делегировать ответственность в ситуации ограниченного выбора партнеру или потенциально другому значимому лицу.

И это… постоянно в этом жить, ну там какие-то вещи стараться для него [партнера] там что-то сделать, даже находясь там в употреблении, там, где-то что-то порадовать его с работы прийти, ну, придёт там булочек ему настряпать, а он придёт, говорит: «Поехали!» И я еду и плачу, потому что я знаю, что я сейчас приеду, эти булки выкину, он даже их не заметит, потому что нужно. Не до этого. (Ева, 45 лет)

В этом случае накопленный ресурс, например, имущество, может не защищаться, а обмениваться на потенциальную поддержку со стороны семьи или партнера. Особенно отчетливо эта логика проявляется после рождения ребенка. Материнство может усиливать ответственность женщины за ребенка и повышать ее зависимость от внешней поддержки. Забота о ребенке ограничивает возможности самостоятельного заработка и мобильности, повышает значимость помощи родственников или партнера и делает сохранение отношений с ними более ценным. В этих условиях отказ от непосредственной защиты собственных интересов может становиться стратегией сохранения доступа к поддержке, необходимой для заботы о ребенке.

Я брала кредит на себя… его брала, на себя, на себя брала, потому что ему кредит не давали, оформили на меня. Он говорит: «Участок оформлен на тебя». Ну, то есть возьмёшь кредит, оформят тебе. Ну, так и сделали. То есть я одна выплачивала 5 лет кредит. Ну, как бы вроде бы и совместно, но, с другой стороны, то есть деньги он давал, но давал как бы на быт, а снималось с моей, ну, зарплатной карты, то есть кредит этот снимался. А этих денег его даже на еду не хватало (Ангелина, 42 года)

Эта конфигурация является отличается от описанной стратегией существования в сетях поддержки. Описанные выше стратегии связаны с попытками минимизировать последствия дефицита ресурсов. Это видно, например, в случаях оформления новых кредитов на женщину в интересах партнера. Вместо предположения об индивидуальной «нерациональности» продуктивнее реконструировать эти действия как обоснованные решения в системе обязательств, взаимности, доверия и допустимого риска в специфической моральной экономике отношений (Thompson, 1971; Fassin, 2009).

Недостаток институциональных и практических знаний, описанный выше как ограниченный доступ к культурному капиталу, тесно связан с дефицитом экономических ресурсов. Ограниченные финансовые возможности сужают выбор места проживания, возможности смены работы, получения образования, организации заботы о здоровье и детях. В отдельных случаях агрессивное поведение партнёра может восприниматься не только как риск, но и как ресурс защиты во внешней среде. Для собеседниц такой мужчина может являться защитником, так как ожидают от него превентивного агрессивного поведения в отношении соседей и окружения в целом. Вместе с тем, очевидно, что выбора такого партнера при ограниченных материальных и культурных ресурсах очевидно представляет угрозу для самой женщины, повышая ее риски попаданивя к кризисную ситуацию. Однако такая зависимость может одновременно увеличивать уязвимость женщины к контролю и насилию.

[Владислава] Ну, в основном мужчины мне нравятся, контингент мой, как бы… в основном – пересидки. Я не знаю почему.

[Интервьюер] А что это значит? Ну что это за типаж?

[Владислава] Ну вот, то есть понятно, что вот они, значит, либо сидели, либо служили. Ну они, это, борзые, они как бы такие активные. Вот лежание на диване меня вообще не устраивает. То есть как-то вот он должен заступиться за меня, он должен... Ну, а у меня получалось так, что не только

за меня заступиться, ещё и меня били. Агрессивный, ну, агрессивный, как бы, знаешь. Ну вот, допустим, если есть какая-то угроза, то вот как бы, пожалуйста, выплёскивай свою агрессию. Ну вот, когда эта агрессия начинает на меня, тогда я тоже начинаю агрессировать. И еще домой «нести» [воровать] должен (Владислава, 36 лет)

3.2. Эмоции и аффекты

В контексте собранных интервью целесообразно говорить об эмоциональных и аффективных ресурсах (Nowotny, 1981; Reay, 2000; Cottingham, 2016). В некоторых рассказах появляется мотив сильной эмоциональной привязанности, которой, по словам участниц, было трудно сопротивляться. Однако рискованное поведение не следует непосредственно объяснять «силой чувства»: более продуктивно анализировать сочетание эмоциональной вовлеченности, социальных ожиданий, дефицита других ресурсов и зависимых отношений.

Я думаю, уйду к нему. И ведь все [родственники] говорили, что не надо [отговаривали от вступления в отношения]. Ну как нельзя? Я ведь так сильно любила! (Роза, 62 года)

Потом уже, когда мы как-то так. Ну, типа, начинали взрослеть, уже разговаривать, то есть это уже было, допустим, мне, допустим, где-то там 26-27 лет. И мы поняли, что, ну, что-то какая-то у нас то ли такая ненормальная любовь, то ли что. То есть, ну, просто два идиота встретились. То есть я там со своими, он со своими… где-то переклин произошёл (Лина, 61 год)

Судя по словам некоторых собеседниц, способы выражения эмоций и заявления о собственных интересах формировались в специфической малоресурсной социальной среде. В таких условиях эмоциональная несдержанность или сильное эмоциональное давление могли восприниматься как допустимый, а иногда и единственно эффективный способ привлечь внимание к собственным потребностям и добиться внимания или признания со стороны близких. В этом отношении эмоциональная несдержанность может рассматриваться не только как неспособность к самоконтролю, но и как специфический способ заявить о собственных интересах в условиях, когда другие формы прямого и признанного предъявления требований недостаточно доступны или не были усвоены. Такая форма поведения может быть эффективна в рамках

привычной среды, но оказывается менее применимой в профессиональных и институциональных контекстах, где эмоциональный контроль интерпретируется как признак надежности, компетентности и профессионализма. Следовательно, проблема состоит не просто в «избытке эмоций», а в несоответствии между усвоенной моделью предъявления собственных интересов и требованиями других социальных контекстов. Эмоциональная несдержанность может снижать доступ к ресурсам, ограничивать профессиональные перспективы и возможности увеличения дохода.

В условиях домашнего насилия эта уязвимость может усиливаться. Если эмоциональность была одним из немногих доступных способов выражения переживаний и заявления о собственных потребностях, необходимость скрывать факт насилия или контролировать проявление чувств лишает женщину этого инструмента. Ситуация становится особенно сложной, если альтернативные способы создания и поддержания социальных отношений были недостаточно сформированы. Важный вывод состоит в том, что в абьюзивных отношениях эмоциональная сфера становится объектом контроля не только со стороны самой женщины, но и со стороны агрессора. В таком случае контроль над поведением женщины включает регулирование того, какие эмоции она может выражать, как интерпретируются ее реакции и каким образом эти реакции используются для оправдания дальнейшего контроля или насилия.

> *Опять же, я поделюсь… С одной стороны, тогда вот этот наш навык уметь сдерживать себя, он нам где-то помогает. То есть мы можем себя где-то остановить, а где-то не сдержать. Но они [насильники] этим пользуются, потому что если бы мы были такие несдержанные, они бы как бы раз и сразу и в ответку получили бы (Светлана, 41 год)*

Отдельного внимания требует связь эмоционального напряжения и употребления алкоголя. В некоторых историях алкоголь описывается как способ справиться со стрессом или как элемент зависимых отношений. То есть алкоголь может восприниматься как пространство для совместного действия и общности проживаемых эмоциональных состояний или их отсутствия.

> *Да вы знаете, я вообще на протяжении, вот сколько я себя помню, я старалась такой как все быть, я почему и выпивала, наверное. Я вообще была такая, как серая мышка, старалась затеряться где-то в толпе, чтоб меня не слышно, не видно было (Ева, 45 лет)*

3.3. Признание, статус и зависимые отношения

В ряде интервью прослеживается значимость признания как самостоятельного ресурса. Ограниченные возможности профессионального признания связанного со спецификой женского труда вообще, необходимость заботиться о детях, давление со стороны окружения или переживание карьерного «потолка» могут сопровождаться поиском альтернативных источников социальной ценности в материнстве или партнерских отношениях. Это можно интерпретировать через категорию признания как связи между социальной самооценкой, возможностью действия и опытом признания в значимых отношениях и институциональных сферах (Honneth, 1995).

[Интервьюер]: Почему вам важно было заключить именно официальный брак?

[Ксения]: Это был... Это вот это первый период беременности, потому что мы в декабре зарегистрировали брак, а вот эта вот ситуация, которую я описала, это уже был январь. Вот. Не знаю, хотелось всё правильно для общества, чтобы ребёнок родился в семье. Я считаю это своей ошибкой. Да, а здесь я его прописала к себе, зарегистрировала брак, всё сделала правильно, для общества (Ксения, 42 года)

В некоторых нарративах «создание семьи» точнее описывать как вступление в отношения с партнером, которому приписывается более высокий статус и возможность повысить собственную социальную позицию женщины. Такая стратегия может формировать асимметричную конфигурацию отношений: признание и статус начинают зависеть от доступа к отношениям с более ресурсным партнером, что одновременно увеличивает зависимость от него. Однако имеющиеся данные не позволяют утверждать общую связь между статусом партнера и насилием. Значение признания становится особенно заметным после рождения ребенка. Материнство может выступать альтернативным источником социальной ценности и одновременно перестраивать систему зависимостей женщины. В условиях ограниченных экономических ресурсов забота о ребенке повышает необходимость во внешней поддержке, а сохранение отношений с партнером и родственниками может приобретать значение не только эмоционального, но и ресурсного вопроса. Поэтому отношения признания, заботы и материальной зависимости здесь оказываются тесно связаны.

Аналитический вывод

Кризис, связанный с потерей или отсутствием жилья, формируется не просто в результате накопления отдельных дефицитов, а через их взаимное усиление и преобразование доступных способов действия. Недостаток институциональных знаний, экономических ресурсов и возможностей действия может последовательно ограничивать способность защищать собственные интересы. Появление ребенка становится одним из важных моментов перестройки этой конфигурации: ответственность за заботу о другом одновременно повышает зависимость от партнеров и родственников и может усиливать ориентацию на сохранение существующих отношений.

Важную роль играет и специфика социально усвоенных способов действия. Эмоциональная несдержанность, отказ от непосредственной защиты собственных интересов, зависимость от близких или поиск признания могут выполнять адаптивную функцию в условиях ограниченной ресурсности и способствовать сохранению отношений, доступу к поддержке или привлечению внимания к собственным потребностям. Однако при изменении социального контекста эти способы действия могут утрачивать эффективность. Проблема в таком случае состоит не в самом наличии определенного дефицита или поведенческой особенности, а в несоответствии между усвоенным способом действия и требованиями другого социального поля: институционального, профессионального или семейного.

Таким образом, не всякое поведение, которое впоследствии увеличивает риск, следует рассматривать как изначально иррациональное. Некоторые способы действия могут быть рациональными и эффективными внутри ограниченной социальной среды, но становиться источником новых уязвимостей при смене контекста. Мультипликация кризиса проявляется именно в этом процессе: адаптация к одним ограничениям может создавать новые, закрепляя те конфигурации отношений и дефицитов, которые поддерживают и воспроизводят кризис.

4. Доверие, стыд и управление риском

В части интервью социальная уязвимость связывается с опытом детства, дефицитом внимания со стороны родителей и ранней сепарацией. Как отмечалось выше, некоторые собеседницы указывают, что недостаток внимания и признания они пытались компенсировать через включение в подростковые группы и участие в рискованных действиях: употреблении алкоголя или противоправной деятельности. Такие действия имеют, с одной стороны, публичный характер, поскольку должны быть замечены значимой аудиторией. С другой стороны, они предполагают нарушение моральных норм. Готовность идти на риск в этом случае может выступать демонстрацией независимости и отказа от отношений взаимности, задаваемых семьей и более широкими социальными отношениями. Такая ориентация на риск нередко сочетается с попытками раннего вступления во «взрослую жизнь»: более ранним выходом на работу, стремлением вступить в брак или началом сексуальной жизни. Эти действия могут обеспечивать краткосрочное ощущение самостоятельности, однако одновременно ограничивать будущий набор доступных ресурсов. Недостаток образования и нестабильная занятость, в частности, могут формировать зависимость от партнеров и родственников, описанную выше.

> *Я, наверно, просто подросток была, мне хотелось свободы. То есть в детском доме там всё по режиму постоянно. И это надоедает. И то есть мы даже там, когда жили, мы постоянно сбегали оттуда там на день. То есть мы везде гуляли и так далее. И-и-и тем более, когда в общежитии... Наказывали, нас закрывали, но не строго. И то есть мы опять потом сбегали. И вот в общежитие мы попали ещё больше свободы получается, и мы ещё больше сбегали оттуда. Считай, детский дом нас уже не так особо контролировал. Только на выходные там забирали. И мы, получается, постоянно сваливали. И вот все, наверное, кто в детском доме проживает, мне кажется, все ждут восемнадцатилетия, чтобы забрать документы и уйти куда-нибудь (Альбина, 21 год)*

Вместе с тем ориентация на риск оказывается не только характеристикой отдельных действий, но и важной частью социального опыта. В этом отношении особенно показательна модель образования доверия, описываемая в рассказах некоторых выпускниц детских домов и женщин, выросших в неблагополучных семьях. Откровенность и демонстрация собственной уязвимости могут здесь выступать условием возникновения доверия. Собеседницы описывают стратегию

следующим образом: чтобы добиться доверия необходимо раскрыть информацию, которая одновременно делает тебя более уязвимым. Если другая сторона не использует эту уязвимость, возникает взаимное обязательство и соответственно доверие.

То есть, допустим, я вот маме рассказывала, там: «Мам, я там с мальчиком познакомилась». И тут же через 5 минут слышу, она звонит подружкам на телефон и всем рассказывает: «А вот Антонина мне в подоле принесёт в 16 лет». Как бы нет доверия не было. С подругами тоже так. Доверие – это как бы, в первую очередь, это... Ну, как я думаю, доверие прежде всего строится, когда можно поделиться секретом. К примеру… а-а там, не знаю, друг другу рассказали секреты свои (Антонина, 20 лет)

Такая модель доверия формируется вокруг разделяемого риска и необходимости сохранять определенные факты в тайне. Закрепившийся паттерн действия, таким образом, может усиливать стремление скрывать насилие или опасения стигматизации и проявляться в устойчивой формуле «не выносить сор из избы». Одновременно подобная социальность ограничивает возможность установления связей с людьми, имеющими иной социальный опыт. Это хорошо видно в высказываниях: «у меня нет особенно друзей». Как отмечалось выше, слабые связи могут быть источником информации о работе, новых знаний и компетенций, а также обеспечивать доступ к более широкому кругу ресурсов и возможностей. Их отсутствие, следовательно, может становиться одним из механизмов сохранения в дефиците.

Просто я никогда не уходила никуда, никому не жаловалась просто. Даже много кто вот не знал, что [муж ибивает] вот мы так живём. Просто говорю: «Никогда никому не говорю и всё». И никто уже помочь больше не может (Злата, 39 лет)

Привычное социальное окружение – узкий круг, объединенный общей тайной и разделяемым риском, также требует постоянных вложений. Отсюда возникают ситуации, в которых собеседницы, не считаясь с собственными потерями, готовы давать или занимать деньги для подруг. Однако такой паттерн действия не всегда приводит к формированию устойчивых доверительных отношений. Напротив, поскольку солидарность строится на разделяемом риске, его дальнейшее увеличение может разрушать саму конструкцию доверия. Раскрытие дополнительной чувствительной информации о себе одновременно

повышает риски стигматизации и других членов группы, а потому может приводить не к расширению взаимопомощи, а к завершению отношений.

Возникает двойственность: собеседницы делают себя уязвимыми и делятся чувствительной информацией, чтобы сформировать отношения, способные обеспечить поддержку. При этом они вынуждены скрывать факты и события, в которых эта поддержка становится необходимой, чтобы не повышать риски для других участников отношений. Таким образом, риск становится одновременно основанием доверия и механизмом, ограничивающим возможности его расширения или решения кризисной ситуации.

В отношении собеседниц, выстраивающих отношения по паттерну «стратегической зависимости», в большей степени полагающихся на существующие сети поддержки, сложнее выделить столь же четкую модель создания доверия. Однако можно предположить, что для них более значимыми оказываются процедуры социального признания, связанные с демонстрацией успешности в профессии, семье и других значимых сферах. В отдельных случаях это может проявляться, например, в отрицании болезни у детей или в стремлении поддерживать социально приемлемый образ семьи. В этой конфигурации важным элементом стратегии доверия может быть определенная отстраненность. Такая отстраненность может быть способом управления социальным признанием в ситуации, когда доверие строится не столько на глубокой эмоциональной близости, сколько на поддержании возможности получать помощь из разных источников.

Для такой позиции может быть характерно активное и не всегда контролируемое расширение круга людей, в отношении которых предполагается возможность получить поддержку. Это соответствует описанной выше стратегии распределения ресурсов: поддержка требует постоянной работы по созданию и поддержанию отношений, а также согласования собственного образа с ожиданиями тех, кто потенциально способен предоставить ресурсы. В этом случае доверие становится не столько следствием разделяемой уязвимости, сколько результатом управления признанием и поддержания отношений, допускающих возможность будущего перераспределения ресурсов.

В этой конфигурации важную роль играют моральные ограничения. Почти во всех интервью собеседницы говорят о стыде, связанном с обращением за помощью. Стыд одновременно препятствует самому обращению и побуждает к переопределению собственной субъектной позиции.

Ну, стыдно, что я была как не независимый человек, а теперь [после обращения в центр].... Мне было стыдно, да. Стыдно, что меня кто-то увидит (Надежда, 55 лет)

[Светлана]: До этого как бы мне было стыдно у кого-то просить что-то вот так вот, ну, кому-то рассказывать это.
[Интервьюер]: Что стыдного здесь?
[Светлана]: Ну вот что я это допустила. Что я разрешила с собой так обращаться (Светлана, 41 год)

Просьба о помощи у «своих» означает признание того, что самостоятельно справиться не удалось. В результате обращение за поддержкой может восприниматься как свидетельство собственной несостоятельности и парадоксальным образом становиться препятствием к получению помощи. С этим связана и описываемая в материалах стратегия «виноватить» или «стыдить». Ее можно интерпретировать как моральный механизм ограничения чужих притязаний: человеку предлагается принять на себя ответственность за собственное положение и тем самым добровольно отказаться от права требовать поддержку. Стыд в этом случае выступает не только индивидуальным эмоциональным переживанием, но и социальным механизмом регулирования доступа к ресурсам.

Таким образом, стыд и доверие оказываются двумя взаимосвязанными способами управления уязвимостью. Демонстрация уязвимости может быть необходима для возникновения доверия и получения помощи, однако одновременно она создает риск стигматизации и морального осуждения. Женщинам приходится постоянно определять, какую информацию можно раскрыть, кому она может быть передана и в какой степени собственная уязвимость может быть признана социально легитимной.

Аналитический вывод

Доверие, риск и стыд в анализируемых биографических траекториях выступают не только индивидуальными психологическими характеристиками, но и социальными механизмами организации доступа к ресурсам. Ранний опыт рискованного поведения может формировать специфические способы получения признания и доверия, основанные на публичной демонстрации независимости и разделяемой уязвимости. Однако такая модель доверия одновременно ограничивает расширение социальных сетей и доступ к новым ресурсам.

Различные конфигурации доверия соответствуют различным стратегиям преодоления кризиса. В одних случаях доверие строится на эмоциональной близости, разделяемом риске и сохранении тайны; в других – на управлении признанием и поддержании отношений, через которые возможно перераспределение ресурсов. Стыд при этом задает дополнительное ограничение: необходимость просить о помощи может восприниматься как отказ от самостоятельности и тем самым сужать пространство допустимых действий. В результате управление риском и уязвимостью становится одной из ключевых составляющих стратегий выхода из кризиса.

5. Восприятие ресурсов кризисного центра

Важно отметить, что первоначальная структура интервью не предполагала специального вопроса о перечне ресурсов, предоставляемых кризисным центром. Собеседницы должны были самостоятельно определить, какие элементы полученной помощи считать значимыми. Почти во всех интервью наиболее заметными темами становились проживание и безопасность. Проживание в кризисном центре позволяет временно разорвать опасные или зависимые связи, получить защищенное пространство и сосредоточиться на юридических, жилищных и повседневных задачах. Возможность находиться в безопасном месте дает не только время для решения конкретных проблем, но и возможность «прийти в себя», восстановить отношения с детьми и снизить непосредственное давление кризисной ситуации.

> *Даже нам говорили сотрудники, что в первую очередь мы закрываем потребность – это комфорт, это жильё, чтобы девушки привыкли здесь, то есть почувствовали себя в безопасности (Альбина, 21 год)*

> *Я была защищена юридически, я была защищена психологически, эмоционально, физически, финансово я себя чувствовала всегда вот, находясь в центре, я себя чувствовала защищённой (Елизавета, 47 лет)*

Психологическая помощь: поддержка и нормализация опыта

В подавляющем большинстве случаев работу с психологами собеседницы упоминали только после прямого вопроса. При этом их оценки касались прежде всего личных отношений с конкретным психологом, а не методов или содержания психологической работы. На вопрос о том, продолжается ли работа с психологом после выхода из центра и в какой форме, многие собеседницы давали уклончивые ответы: «сейчас нет времени», однако «в будущем» они предполагают возможность вернуться к этой форме помощи.

> *Да, со мной проработала психолог, да, моменты какие-то успокоила меня. Я вышла вообще, помню, летела, думаю: «Офигеть, вообще сегодня так хорошо. Где моя вот эта вот сила [в другое время]?» (Ася, 45 лет)*

Можно предположить, что психологическая работа в большинстве случаев воспринимается как временный ресурс, непосредственно связанный с

кризисным состоянием. Отдельные встречи или разговоры могут оцениваться как исключительно важный элемент поддержки: например, подчеркивается готовность психолога отвечать и в нерабочее время, в том числе «даже ночью». Однако долгосрочная психологическая работа не всегда осознается как значимый ресурс или обязательный элемент выхода из кризиса.

Ну да… помогает действительно, то есть она [психолог] выслушивает, даёт какие-то советы, то есть нужно какие-то совместные тренинги. Ну, мы не так много успели, потому что я потом вышла на работу
(Ангелина, 42 года)

Участие в групповых занятиях также может оцениваться прежде всего через возможность неформального общения и получения новой информации о себе. Это не означает отсутствия психологического эффекта, но указывает на возможное расхождение между профессионально предполагаемой пользой помощи и ее рефлексивно осознаваемой клиентками ценностью. По материалам интервью можно предположить, что психологическая работа способствует прежде всего принятию и нормализации собственного опыта, налаживанию контакта с детьми, старшими родственниками, партнером.

Совместное проживание как среда освоения практик

Особое значение имеет опыт совместного проживания, он одновременно закрывает несколько взаимосвязанных дефицитов: позволяет осваивать навыки ведения хозяйства, участвовать в поиске жилья при посредничестве социального работника, учитывать и распределять ограниченные ресурсы, планировать повседневную жизнь, приобретать опыт взаимопомощи через договоренность и взаимность, а также разрешать конфликты в относительно контролируемых условиях. Около половины собеседниц, имевших опыт совместного проживания в центре, после выхода продолжают снимать жилье совместно, можно утверждать, что совместное проживание способствует формированию альтернативных моделей организации повседневной жизни и взаимной поддержки.

[Елизавета]: Много сил [сотрудники] вкладывали в то, чтобы мы именно научились жить вот в этом социальном обществе с разными людьми. Именно с разными людьми.
[Интервьюер]: Можете как-то пояснить?

[Елизавета]: Во-первых, уважение. Реально уважать другого человека, уважать чужое мнение. Понять о том, что нету только моего правильного. Есть ещё чьё-то мнение, и может быть, даже оно правильное, а моё ошибочное. Уважение, умение договариваться, принимать какие-то совместные решения. Не ругаясь при этом, опять же, уметь договариваться, но и уметь пролоббировать свой свою именно точку зрения донести до людей, если она действительно правильная. Для меня раньше было: «Я сказала, значит, так и есть». Ну, меня очень сильно поменял центр. Очень, в плане того... Сейчас я буду ещё кому-то рассказывать про свою жизнь, если б это было до центра. Научил обращаться с деньгами. Реально, я научилась экономить. Я знаю цену деньгам. Даже несмотря на то, что я работала, ну сегодня есть завтра, ну, завтра пойду куда-нибудь подработаю.

(Елизавета, 47 лет)

Вместе с тем первоначальный опыт попадания в центр нередко описывается как болезненный. В некоторых рассказах он сравнивается с пребыванием в тюрьме из-за строгого распорядка и существующих ограничений.

Ну, смотрите, как в тюрьме какой-то вот находилась (Нелли, 49 лет)

Здесь можно выделить несколько взаимосвязанных сюжетов. Первый связан с планом реабилитации. Этот документ практически не появляется в рассказах клиенток, хотя, судя по интервью с сотрудниками, является важным инструментом организации работы центра. План вписывается в более широкую технологию работы со случаем, которая включает индивидуальную работу с клиенткой, постановку целей и их фиксацию в плане, а также межведомственное взаимодействие. Как отмечает одна из сотрудниц, «они работают по программе: индивидуальная работа - написание плана - межведомственное взаимодействие, все его придерживаются». В государственных центрах при этом план может составляться без учета семейной ситуации, а затем регулярно пересматриваться: «вот это ты достигла, вот это новая проблема появилась».

Отсутствие плана реабилитации в рассказах клиенток может быть связано как с процедурными особенностями ведения личного дела, так и с распределением ответственности за этот документ. Судя по интервью, контроль за выполнением и пересмотром плана в значительной степени остается зоной ответственности куратора, тогда как сама клиентка может не воспринимать его как отдельный и значимый элемент собственного опыта пребывания в центре. Второй сюжет связан с организацией совместного быта. Первой реакцией на вопрос об оценке опыта проживания часто становится фраза: «Люди, конечно,

разные». Это указывает на то, что ключевой проблемой оказывается не столько само проживание с другими людьми, сколько необходимость координировать повседневные действия. При этом собеседницы подчеркивают различие биографических историй: «все девочки, конечно, со своими историями», однако не всегда могут объяснить, в чем именно заключаются эти различия.

Поэтому аналитически более продуктивно говорить не о несовместимости конкретных людей или их биографий, а о необходимости формирования прозрачных правил совместного существования. Порядок уборки, распределение заботы о детях и способы выражения недовольства становятся предметами постоянной координации. Именно здесь особенно значимой оказывается роль социального работника или куратора.

Социальный работник: предсказуемый взрослый и посредник в координации

Социальный работник нередко выполняет функцию «значимого взрослого». Риски такой модели уже обсуждались выше, и сами сотрудники центров могут рассматривать подобное восприятие как проявление недостаточно профессионально выстроенных границ. Вместе с тем материалы интервью показывают, что клиентки действительно обращаются к кураторам за советами по организации повседневной жизни.

> *Ну, я знала, что [имя куратора] так за меня всегда переживала, она куратором моим была. Я всегда с ней делилась, вот ни с кем [больше]. Ну, мне всегда было, ну, то есть у меня я была с ней вообще откровенна (Ева, 45 лет)*

> *С кураторами тоже хорошо. Мы со всеми вообще прямо здорово. [Имя куратора] так вообще, как будто бы как родная, то есть как вот приехали, как она нас приняла, как она распределила нас, то есть мы с первого дня как-то… вообще здорово (Ангелина, 42 года)*

В отношении такой роли сотрудников существуют разные профессиональные интерпретации. Для одних сотрудниц обращение клиенток к ним как к родительской фигуре может свидетельствовать о нарушении необходимой профессиональной дистанции и требует, напротив, более четкого выстраивания границ. Для других подобное восприятие связано с дефицитом родительских отношений в опыте клиенток и потому может рассматриваться как пространство для формирования у них новых способов взаимодействия и

получения поддержки. Таким образом, одна и та же практика – обращение клиентки к сотруднице за советом или поддержкой, выходящими за рамки непосредственно предоставляемой услуги, может интерпретироваться сотрудниками по-разному: как риск чрезмерной зависимости или, напротив, как часть работы с дефицитом значимых отношений.

Важной функцией куратора становится роль надежного и предсказуемого взрослого. Клиентки обращаются к нему за бытовыми советами различной сложности. Это можно интерпретировать не как общую «социальную беспомощность», а как потребность во внешней поддержке при оценке социальных ситуаций и их возможных последствий. Собеседницы отмечают, что кураторы научили их планировать расходы, организовывать быт, следить за детьми, готовить, разрешать конфликты через обсуждение и понимать значение дисциплины для поддержания порядка. Значительная часть также отмечает вклад социального работника в поиск подходящего жилья. Опыт совместного проживания позволяет куратору лучше понять, какие варианты жилья будут соответствовать возможностям конкретной клиентки: позволят сочетать заботу о детях, работу и сохранение доступных социальных связей.

Юридическая помощь и формализация отношений

Наименьшее расхождение между профессиональным пониманием работы и ее восприятием клиентками связано с юридической помощью. Для собеседниц она оказывается наиболее понятным и непосредственно наблюдаемым ресурсом.

> *Юрист, она мне просто консультацию дала. Сходи туда, возьми то, узнай вот это всё (Сабина, 34 года)*

Важным элементом становится своеобразное правовое просвещение, предполагающее одновременно пересмотр собственной биографической ситуации и прояснение прав и обязанностей. В проведенных интервью значительная часть юридической работы была связана с операциями с недвижимостью, о которых говорилось выше. Кроме того, обсуждались отношения с партнерами или мужьями, а также права и обязанности, связанные с детьми. Юрист берет на себя подготовку заявлений и помогает сориентироваться в возможных формах получения помощи. Одновременно клиентка получает доступ к языку права, юридическим классификациям действий и статусов.

Эти элементы сами клиентки оценивают как важные и эффективные. Особую ценность имеет сочетание личного участия специалиста и готовности последовательно отстаивать интересы клиентки. В более широком смысле юридическая помощь демонстрирует возможность формализации отношений. В отличие от зависимых связей, основанных на личном признании, риске или необходимости постоянно подтверждать собственное право на поддержку, право предлагает другую модель: правила, взаимный контроль, формализованные обязанности и возможность предъявлять требования независимо от эмоциональной близости, и юрист является своеобразным проводником в этот мир.

Ты приходишь и перед тобой открывается мир, который ты никогда не знал правовых норм, законов, правил, терминологии (Станислава, юрист, 43)

Наконец, юридическая работа может выступать как практический опыт отказа от зависимых и негативных связей и одновременно как демонстрация возможностей формализованных отношений. Право показывает, что защита интересов может строиться не только на личной силе, эмоциональной близости или зависимости от признания, но и на правилах, взаимном контроле и институционально закрепленных обязательствах.

Другие ресурсы и краткосрочное замещение дефицитов

Отдельного рассмотрения требуют такие ресурсы, как помощь в устройстве ребенка в детский сад или занятия с детским специалистом, например логопедом. Их значимость для непосредственного преодоления кризиса может быть высокой, однако в некоторых случаях они оказываются прежде всего краткосрочными ресурсами, замещающими действия, которые в долгосрочной перспективе должна будет организовывать сама женщина. Это не означает, что подобная помощь не нужна. Напротив, на этапе кризиса она позволяет снизить нагрузку и высвободить время для решения других задач. Однако аналитически важно различать помощь, которая временно компенсирует дефицит, и помощь, которая способствует формированию новых способов организации заботы и распределения ответственности.

Допустим, младший сын у меня, ну, разговаривал выговаривал, то есть логопед занимался, психолог с младшим сыном, со мной психолог, считайте, одевали они нас бесплатно (Аня, 48 лет)

В этом отношении более значимым может оказаться не просто предоставление услуги, а участие женщины в координации заботы о ребенке, распределении обязанностей и договоренностях с другими людьми. Задача состоит не только в снятии непосредственной нагрузки, но и в освоении способности совместно организовывать повседневную жизнь, договариваться и распределять ответственность.

Аналитический вывод

С точки зрения социальной динамики кризиса наиболее значимым ресурсом центра может оказаться именно опыт совместного проживания. Его действие можно описать через несколько взаимосвязанных механизмов.

Во-первых, здесь обнаруживаются ограничения стратегии, основанной на манипулировании собственной уязвимостью. В кризисном центре действует модель взаимной подотчетности, предполагающая возможность публичного обсуждения ожиданий, обязанностей и вклада каждого участника.

Во-вторых, совместное проживание становится важным инструментом принятия собственного опыта через его нормализацию. Наличие других женщин с различными, но частично сопоставимыми жизненными историями позволяет увидеть собственную ситуацию не как уникальную личную неудачу, а как часть более широкого социального опыта.

В-третьих, помощь приобретает более выраженную «формализацию». Получение ресурсов связано с соблюдением правил, дисциплины и участием в распределении ролей и обязанностей. В отличие от неформальных отношений, основанных на непредсказуемом признании или личной близости, основания взаимных ожиданий становятся более прозрачными.

В-четвертых, важен опыт самостоятельного разрешения конфликтов. Его значение состоит не только в снижении числа конфликтных ситуаций, но и в освоении социального творчества: способности вырабатывать решение совместно с другими при отсутствии ожидания, что появится «старший» или более статусный человек и возьмет на себя окончательное разрешение проблемы.

В-пятых, проживание предполагает ответственность за элементы повседневного быта и необходимость собственного вклада, который становится относительно прозрачным и наблюдаемым. Это создает иной опыт распределения ресурсов: не перераспределение в условиях скрытого риска и

необходимости постоянно подтверждать право на помощь, а согласование обязанностей и взаимных ожиданий на более явных основаниях.

Клиентки воспринимают кризисный центр прежде всего через ресурсы, которые позволяют временно восстановить безопасность и снизить непосредственную нагрузку: проживание, помощь в решении юридических и жилищных вопросов, поддержка в организации повседневной жизни. Однако наиболее значимым результатом помощи может быть не отдельная услуга, а включение в социальную среду, где осваиваются новые способы координации действий, распределения ответственности и разрешения конфликтов. Совместное проживание создает опыт взаимности, основанной не на скрытом риске и постоянном подтверждении собственного права на помощь, а на относительно прозрачных правилах, наблюдаемом вкладе и взаимной подотчетности. Юридическая помощь, в свою очередь, демонстрирует возможность защиты интересов через формализованные отношения и институты. Психологическая работа способствует принятию и нормализации опыта, хотя ее долгосрочная ценность не всегда рефлексивно осознается клиентками.

Таким образом, эффективность кризисного центра связана не только с компенсацией ресурсных дефицитов. Его потенциально наиболее устойчивый эффект заключается в создании пространства, в котором привычные стратегии управления зависимостью, риском и уязвимостью могут быть заменены или дополнены практиками договоренности, взаимной ответственности, формального предъявления прав и самостоятельного решения повседневных задач.

6. Результаты онлан-опроса

Для дополнения материалов качественного исследования был проведён онлайн-опрос, в котором приняли участие 111 респондентов. Опрос носил добровольный характер, а его выборка не является репрезентативной для всей совокупности клиенток кризисных центров. Поэтому представленные результаты характеризуют опыт участников опроса и не могут автоматически распространяться на всех получателей подобной помощи. Вопросы с множественным выбором допускали несколько ответов от одного респондента, в связи с чем сумма долей по соответствующим вопросам может превышать 100%. В целях обеспечения конфиденциальности и анонимности участников индивидуальные ответы респондентов не приводятся в настоящем отчёте; представлены только обобщённые результаты опроса.

Характеристика респондентов и обстоятельства обращения

В выборке преобладали женщины: женский пол указали 106 человек (95%), мужской – 5 (5%). Возраст был указан 106 респондентами; медианный возраст составил 36 лет, диапазон – от 17 до 72 лет. Большинство участников сообщили о наличии несовершеннолетних детей на попечении: 100 человек (90%) указали одного или нескольких детей. Таким образом, опыт совмещения преодоления кризисной ситуации с заботой о детях занимает значимое место в рассматриваемом массиве ответов.

Материальное положение также характеризовалось распространённостью ограничений. 92 респондента (83%) сообщили, что испытывают материальные затруднения: 42 человека (38%) указали, что средств хватает на повседневные расходы, но крупные покупки затруднительны; 35 (32%) – что средств хватает только на самое необходимое; 15 (14%) – что денег не хватает даже на основные потребности. Эти ответы указывают на значительную распространённость экономической уязвимости среди участников опроса.

На момент проведения опроса 72 человека (65%) продолжали получать помощь в кризисном центре или проживать в нём, тогда как 39 (35%) сообщили, что больше не получают помощь. Повторное обращение в кризисный центр отметили 43 респондента (39%): 24 человека (22%) обращались повторно один раз, 19 (17%) – несколько раз. Остальные 68 участников (61%) не сообщали о повторных обращениях. Таким образом, повторное обращение представляет собой заметную, но не универсальную траекторию в исследуемой выборке. При

этом сами по себе эти данные не позволяют определить, связано ли повторное обращение с длительностью кризиса, характером оказанной помощи или другими обстоятельствами.

Барьеры самостоятельного преодоления кризисной ситуации

В качестве обстоятельств, затруднявших самостоятельное преодоление кризисной ситуации, чаще всего указывались отсутствие жилья – 67 ответов (60%), нехватка денег – 63 (57%), психологическое состояние – 60 (54%), отсутствие поддержки родственников и друзей – 46 (41%) и домашнее насилие – 43 (39%). Реже отмечались отсутствие поддержки супруга или партнёра - 24 ответа (22%), проблемы со здоровьем и невозможность найти подходящую работу - по 19 (17%), а также проблемы с документами - 7 (6%).

Полученная структура ответов показывает, что трудности, с которыми сталкивались респонденты, не сводились к одному обстоятельству. Жилищные и экономические ограничения сочетались с психологическими трудностями и дефицитом социальной поддержки. В аналитическом отношении это позволяет рассматривать кризисную ситуацию как совокупность взаимосвязанных ограничений, способных затруднять поиск безопасного места проживания, восстановление материальной устойчивости и самостоятельное решение повседневных задач. Вместе с тем данные множественного выбора фиксируют субъективно воспринимаемые препятствия и не позволяют установить причинные связи между ними.

Среди причин, затруднявших обращение за помощью, чаще всего назывались чувство страха – 45 ответов (41%), чувство стыда – 35 (32%), отсутствие понимания, куда обратиться – 35 (32%), а также нежелание беспокоить других – 24 (22%). Кроме того, 14 человек (13%) отмечали убеждение, что проблемы следует решать самостоятельно, а 11 (10%) – отсутствие доверия к организациям. Девять респондентов (8%) сообщили, что обратиться за помощью им было нетрудно.

Эти результаты позволяют выделить несколько типов барьеров обращения: эмоциональные (страх и стыд), информационные (непонимание доступных маршрутов помощи), социальные (нежелание беспокоить других) и связанные с установками на самостоятельное преодоление трудностей или недоверием к организациям. Следовательно, наличие организаций, оказывающих поддержку, само по себе не гарантирует обращения за ней: существенное значение могут

иметь осведомлённость о доступных услугах и субъективная готовность обратиться за помощью.

Сведения о предшествующем опыте поиска поддержки дополняют эту картину. До первого обращения в кризисный центр к родственникам обращались 45 респондентов (41%), к друзьям – 38 (34%), к соседям и знакомым – 15 (14%), в государственные службы – 18 (16%). При этом 34 человека (31%) указали, что ранее не обращались за помощью к перечисленным людям или организациям. Поскольку допускался множественный выбор, эти категории не являются взаимоисключающими. Данные указывают на неоднородность предшествующих маршрутов поиска поддержки: для части участников обращение в кризисный центр было продолжением попыток получить помощь, для других — первым обращением к перечисленным источникам поддержки.

Полученная помощь и её субъективная полезность

В структуре полученной помощи лидировали временное жильё – 104 ответа (94%), психологическая помощь – 95 (86%), продуктовая помощь – 89 (80%), материальная или вещевая помощь – 83 (75%). Помощь в оформлении документов отметили 62 респондента (56%), помощь в формировании необходимых навыков – 40 (36%), помощь по уходу за детьми – 38 (34%), содействие в поиске работы – 35 (32%).

При сопоставлении этих результатов с материалами интервью обнаруживается расхождение между высокой частотой указания психологической помощи в онлайн-опросе и её слабой представленностью в спонтанных рассказах участниц. Сходная ситуация наблюдается в отношении помощи по уходу за детьми, которую отметили около трети респонденток, но которая практически не возникала в интервью без дополнительного упоминания со стороны интервьюера. Это расхождение не обязательно свидетельствует о несогласованности данных: оно может отражать различия между распознаванием заранее предложенной категории услуги и её самостоятельным включением в рассказ о пережитом опыте.

При оценке полезности помощи участники чаще всего выделяли временное жильё – 98 ответов (88%), психологическую помощь – 92 (83%) и продуктовую помощь – 84 (76%). Материальную или вещевую помощь полезной назвали 73 респондента (66%), помощь в оформлении документов – 55 (50%), помощь по

уходу за детьми – 31 (28%), содействие в поиске работы и формировании необходимых навыков – по 26 (23%).

Сопоставление двух вопросов показывает, что наиболее часто получаемые виды помощи одновременно занимают ведущие позиции в субъективной оценке полезности. Особенно заметна роль временного жилья и психологической поддержки. Это позволяет говорить о значимости сочетания базовой стабилизации жизненных условий с поддержкой психологического состояния. Вместе с тем различия между частотой получения и оценкой полезности не следует интерпретировать как прямую оценку эффективности отдельных услуг: вопросы фиксируют разные аспекты опыта, а результаты не учитывают интенсивность, длительность и последовательность оказания помощи.

В ответах на вопрос о том, кто помогал продолжать изменения после получения помощи в кризисном центре, чаще всего упоминались специалисты центра – 55 ответов (50%), дети – 41 (37%), благотворительные организации – 28 (25%), друзья – 22 (20%) и другие родственники – 19 (17%). В то же время 18 респондентов (16%) отметили, что им не помогал никто. Эти данные подчёркивают значение профессиональной поддержки, но одновременно показывают, что дальнейшие изменения могут происходить при разной степени участия семейного и социального окружения. При интерпретации этого результата важно учитывать формулировку вопроса, ориентированную на период после завершения помощи: в выборке значительная часть участников продолжала получать помощь на момент опроса.

Изменения после обращения в кризисный центр

Среди изменений, отмеченных после обращения, чаще всего назывались улучшение психологического состояния – 80 ответов (72%), появление безопасного места для жизни – 69 (62%), улучшение материального положения – 46 (41%), облегчение обращения за помощью – 41 (37%), оформление пособий или документов – 36 (32%). Улучшение отношений с детьми отметили 35 респондентов (32%), улучшение отношений с родителями – 14 (13%), улучшение отношений с супругом или партнёром – 10 (9%). Существенных изменений не отметили 5 участников (5%).

Самооценка изменений в себе дополняет эту картину. Уверенность в собственных силах отметили 82 респондента (74%), способность самостоятельно решать многие проблемы – 64 (58%), лучшее понимание того, куда обращаться

за помощью – 58 (52%). Более лёгкое принятие помощи и большее доверие к людям отметили по 41 человеку (37%); 33 респондента (30%) указали, что им стало легче просить о помощи. Одновременно 38 участников (34%) сообщили, что стали осторожнее в отношениях. Существенных изменений в себе не отметили 5 человек (5%).

В совокупности ответы позволяют выделить несколько измерений субъективно воспринимаемых изменений: улучшение психологического состояния и чувства безопасности, частичное восстановление материальной устойчивости, развитие самостоятельности в решении проблем и расширение представлений о доступных источниках поддержки. При этом изменения не сводятся к линейному росту доверия к окружающим. Сочетание большей уверенности в собственных силах с повышенной осторожностью в отношениях может отражать неоднородность опыта участников и необходимость учитывать индивидуальные способы восстановления после кризиса.

Социальное окружение и поддержка изменений

О недостатке поддержки со стороны окружения после обращения в кризисный центр сообщили 38 респондентов (34%); 73 человека (66%) ответили, что не сталкивались с подобным отношением. Среди проявлений отсутствия поддержки чаще всего назывались осуждение обращения в кризисный центр – 21 ответ (19%), неверие в возможность изменений – 13 (12%), отсутствие поддержки новых решений, например развода, поиска работы или переезда –13 (12%), а также ожидание возвращения к прежнему образу жизни – 13 (12%). Отговаривание от принятия помощи и ограничение возможности самостоятельно принимать решения отмечались реже – по 4 ответа (4%).

Таким образом, опыт взаимодействия с социальным окружением после обращения был неоднородным. Для части респондентов окружающие не становились источником дополнительной поддержки и могли критически относиться как к самому обращению за помощью, так и к последующим изменениям. Эти ответы позволяют рассматривать социальное окружение как один из контекстов, в которых продолжается восстановление, но не дают оснований утверждать, что негативная реакция окружения обязательно препятствует достигнутым изменениям.

Представления о необходимости обращения за помощью

В ответах на открытый вопрос о совете женщине с детьми, которая медлит с обращением за помощью, повторялись несколько мотивов: необходимость не оставаться одной с проблемой, преодоление стыда и страха осуждения, обращение к специалистам и поиск конкретной организации, способной оказать поддержку. Например, одна участница отмечает: «просить о помощи не стыдно»; другая советует: «Не бояться осуждения, переступить через чувство вины и обратиться за помощью ради детей».

Эти высказывания отражают не только положительную оценку доступной помощи, но и стремление участников передать другим женщинам практические способы преодоления барьеров обращения. В частности, в ответах соединяются эмоциональная поддержка и конкретная ориентация на доступные организации. Такие высказывания дополняют полученные результаты, показывая, как участницы осмысляют собственный опыт и какие элементы этого опыта считают значимыми для других.

Итоговые наблюдения и ограничения интерпретации

Результаты онлайн-опроса дополняют материалы интервью количественным описанием распространённых трудностей и субъективно воспринимаемых изменений. В исследуемой выборке наиболее заметны жилищно-экономические ограничения, психологические трудности и дефицит поддержки; среди полученных услуг особенно часто упоминаются временное жильё, психологическая и продуктовая помощь. Участники также сообщают об улучшении психологического состояния, повышении уверенности в собственных силах и большей способности самостоятельно решать проблемы. При этом у части респондентов сохраняется повышенная осторожность в отношениях, а примерно треть сталкивалась с недостатком поддержки со стороны окружения. Поскольку многие участники продолжали получать помощь на момент опроса, а данные не позволяют установить состояние каждого респондента до и после обращения в сопоставимых измерениях, обнаруженные изменения следует трактовать как субъективно воспринимаемые и сообщаемые участниками, а не как доказанный причинный эффект работы кризисных центров.

7. Неудачи и повторное обращение

Предыдущие разделы показывают, что кризисная ситуация редко возникает вследствие одного изолированного события. Потеря жилья, возвращение к партнеру, повторное обращение за помощью или невозможность самостоятельно организовать жизнь после выхода из центра, как правило, связаны с накоплением и взаимным усилением нескольких дефицитов. Среди них можно выделить ограниченность экономических и жилищных ресурсов, недостаток правовых и практических знаний, зависимость в социальном и экономическом смысле от партнеров и родственников, созависимость, истощение социальной поддержки, трудности эмоциональной регуляции, ограниченность социальных сетей и специфические способы формирования доверия и получения признания. В этом отношении ресурсы кризисного центра могут быть направлены не только на устранение непосредственного последствия кризиса, но и на компенсацию или изменение механизмов, которые способствовали его возникновению. Однако степень такого изменения оказывается различной. Одни ресурсы позволяют относительно быстро устранить конкретный дефицит, другие требуют длительного времени и устойчивого изменения практик действия. Именно здесь обнаруживаются границы институционального вмешательства.

Даже при наличии перечисленных ресурсов успешное завершение кризиса не может считаться гарантированным. Повторное обращение в центр представляет собой один из наиболее важных, но одновременно наиболее сложных для интерпретации показателей. Тема повторных обращений воспринимается собеседницами как чувствительная. В условиях сохраняющихся связей с центром женщины не всегда прямо говорят о предыдущих неудачах или возвращениях. Кроме того, само понятие повторного обращения может быть неоднозначным. Сопровождение иногда продолжается длительное время и допускает как формальные, так и неформальные возвращения. Поэтому без анализа документации и дополнительной информации от сотрудников не всегда возможно установить, идет ли речь о новом кризисе, продолжении прежнего сопровождения или повторном обращении после его формального завершения. Повторное обращение может иметь различные причины. Оно может быть связано с возвращением в опасные отношения, недостаточностью экономических или жилищных ресурсов, неудачным переездом, изменением жизненных обстоятельств, утратой работы или поддержки. Поэтому сам факт возвращения

не следует автоматически интерпретировать как свидетельство неэффективности помощи.

7.1. Возвращение к прежним отношениям как граница вмешательства.

Одной из наиболее часто упоминаемых причин повторного попадания в кризисную ситуацию является возвращение к прежнему партнеру. Такой выбор нельзя объяснить исключительно отсутствием информации о насилии или недостаточностью материальной помощи. Как показывают предыдущие разделы, возвращение может быть связано одновременно с экономической зависимостью, эмоциональной привязанностью, давлением родственников и стыдом. Прекращение отношений может восприниматься как нарушение социальных ожиданий, связанных с семьей и материнством. Женщина оказывается вынуждена не только покинуть партнера, но и объяснить окружающим собственное решение.

> *Ну, мы маленько подзакусились, я уходила, потом назад вернулась. И-и люди… мне было стыдно, что меня осуждать начнут. Нет, они подходили даже: «Давай руку, молодец, наконец-то место его поставила». Представляете?! (Таисия, 36 лет)*

В некоторых случаях возвращение к отношениям может также означать возвращение к привычной системе распределения признания и ресурсов. Даже если эта система была опасной или ограничивающей, она остается социально знакомой. Признание со стороны партнера или родственников может временно компенсировать неопределенность, возникающую после выхода из прежних отношений. В этом отношении ресурсы центра могут обеспечить безопасность и создать альтернативные возможности действия, но не обязательно сразу изменяют эмоциональные привязанности и способы построения отношений. Для такой трансформации требуется более длительная работа.

> *Он на коленях ползал, он уговаривал, и плакал, слёзы лил, и под окнами ночами сидел, и родителям клялся, что больше пальца в жизни не поднимет. Если поднимет, то он сам уйдёт. Ну после того, как я к нему вернулась, причём я была беременна в тот момент. После того, как мы вернулись, стало вообще невыносимо (Светлана, 41 год)*

Однако поиск нового партнера сам по себе не устраняет проблемы экономической зависимости, отсутствия профессии, ограниченности знаний или недостатка устойчивых ресурсов. Напротив, демонстрация самостоятельности через быстрое вступление в новые отношения может вновь создавать зависимость от другого человека. Тем не менее интервью позволяют предположить, что смена партнера иногда становится способом мобилизации других ресурсов – молодости, внешней привлекательности, сексуальности или репродуктивности. Такие ресурсы могут временно конвертироваться в поддержку, однако их эффективность оказывается ограниченной и зависит от способности сохранять новые отношения.

7.2. Неудачная конвертация ресурсов и воспроизводство кризиса.

Другой тип ситуации связан с тем, что ресурсы, полученные в центре, не всегда удается конвертировать в устойчивое изменение положения. Например, решение жилищного вопроса требует не только получения доступа к жилью, но и способности выбирать место проживания, оценивать условия, планировать расходы и поддерживать жилье. В отдельных случаях после выхода возникают новые проблемы, связанные с неудачным распоряжением деньгами, неподходящим выбором жилья или переездом. Решение может приниматься на основании доверия к другому человеку или привлекательности немедленного предложения, а не на основе оценки долгосрочных последствий. Например, обещание более выгодной работы или возможности проживания может становиться основанием для нового переезда. Иными словами, поведение все еще определяется паттерном рискованного поведения.

Мне пообещали хорошую зарплату, помощь с арендой жилья. Я согласилась, и мы туда переехали.

- А почему же они так обманули-то?

- Ну что они… Меня всегда, знаете, вот в ситуациях, когда слышишь про обман, думаешь: «Ну, вы как бы одно пообещали [а в реальности другое]». И это это, это часто повторяется (Стелла, 51 год)

Такие ситуации связаны с тем, что непосредственное предоставление ресурса не устраняет автоматически сложившиеся способы управления риском и доверия. Если доверие к другим формируется преимущественно через личную близость, эмоциональную вовлеченность или готовность принять предложение без возможности его проверки, то новые ресурсы могут вновь использоваться в

условиях повышенного риска. Следовательно, недостаточность вмешательства может проявляться не в отсутствии предоставленного ресурса, а в отсутствии времени или возможностей для освоения практик его устойчивого использования.

7.3. «Стратегическая зависимость» и границы перераспределения помощи.

Отдельная проблема возникает в случаях, описанных выше как «стратегическая зависимость». В этой конфигурации получение помощи является результатом активной работы по поддержанию отношений и сохранению социального признания. Женщина не просто получает ресурсы, а перемещается между различными сетями поддержки, ищет новые источники помощи и поддерживает основания для ее получения. Кризисный центр в такой ситуации может стать еще одним элементом существующей системы перераспределения ресурсов. Предоставленная помощь может быть успешно использована и временно улучшать положение женщины. Однако сама логика действия при этом не обязательно изменяется.

Если основной стратегией остается поиск нового источника поддержки, а не создание более устойчивой экономической, жилищной и социальной автономии, выход из одной сети зависимости может сопровождаться включением в другую. Обращение в центр в таком случае может означать своеобразный «сбой» прежней системы перераспределения: доступные отношения перестали обеспечивать необходимый объем ресурсов или ранее существовавшее признание больше не удается конвертировать в материальную и социальную поддержку. Вмешательство центра оказывается недостаточным в том случае, если предоставленные ресурсы включаются в ту же стратегию последовательной смены источников поддержки и не приводят к изменению способов организации собственной жизни и распределения ответственности. Женщина может получить жилье, материальную помощь или поддержку специалистов, но продолжать рассматривать их преимущественно как временный ресурс, который необходимо заменить следующим источником помощи. Однако именно воспроизводство этой стратегии может ограничивать возможности долгосрочной трансформации. В отношении «стратегической зависимости» важно отметить, что основным ее механизмом является конвертация признания материнства, заботы о детях в материальную помощь.

Именно в кризисных центрах и приютах эта стратегия оказывается лучше всего реализуемо. Признание и отказ от «пристыжения» сохраняет этих женщин в круге.

В данной конфигурации стратегическая зависимость может трансформироваться в распределительный труд, как он был описан в разделе 2. Получаемая от кризисного центра помощь не обязательно концентрируется на непосредственном преодолении кризисной ситуации самой женщиной и ее детьми. Напротив, ресурсы центра могут включаться в уже существующую систему социальных отношений и перераспределяться между друзьями, родственниками и другими значимыми людьми. Участница не только получает помощь, но и становится посредником в ее дальнейшем перемещении: поддерживает отношения, отвечает на ожидания окружающих и использует доступные ресурсы для сохранения своего положения внутри социальной сети. В отличие от простого получения помощи, такая стратегия предполагает активное участие женщины в организации потоков ресурсов. Однако именно эта активность может ограничивать возможности выхода из кризиса. Часть получаемых ресурсов оказывается вовлеченной в поддержание существующих отношений и распределяется за пределами непосредственных потребностей женщины, вследствие чего объем помощи, остающийся в ее распоряжении, может быть недостаточным для устойчивого изменения ее положения.

[Интервьюер]: Вы делитесь с ними вот вещами, которые тут получаете, или нет?

[Серафима]: Ну, они ко мне приходят, у меня начинают обувь забирать, там выпрашивают вещи им беру, бывает. Племянника я одеваю со склада, так же, как и моего сына. Племянницу тоже. У них даже друзья набирают. Приходит, выпрашиваете ещё принесёт. А я уже в этот раз сказала: «Хотите вещей берите путёвку и езжайте». Они пойдут, возьмут. (Серафима, 36 лет)

Таким образом, распределение ресурсов выполняет сложную функцию. С одной стороны, оно позволяет сохранять социальные связи и получать признание со стороны значимого окружения. С другой, необходимость поддерживать эти отношения может препятствовать накоплению ресурсов, необходимых для выхода из кризиса. От других ожидается участие и потенциальное вложение в будущее, тогда как от самой женщины требуется демонстрировать благодарность, взаимность и соответствие образу социально приемлемого и

заслуживающего доверия члена сообщества. Получение помощи в этом случае предполагает не отказ от действия, а специфическую форму агентности, направленную на поддержание отношений и сохранение признания собственной позиции внутри них.

Одновременно эта стратегия связана с дополнительными рисками. Необходимость постоянно поддерживать право на получение помощи усиливает зависимость от признания со стороны других. Это может стимулировать управление собственным образом, избирательное представление информации или, в отдельных случаях, предоставление недостоверной информации как способ сохранения доступа к ресурсам.

7.4. Почему формальные планы и долгосрочная психологическая работа оказываются недостаточно видимыми для клиенток

На основании анализа проведенных интервью можно предположить, что некоторые потенциально важные ресурсы центра остаются для клиенток значительно менее заметными, чем проживание, безопасность или юридическая помощь. Практически никто из собеседниц не выделяет план сопровождения или реабилитации как самостоятельный ресурс, хотя для сотрудников центра он может быть важным инструментом организации работы. Это может быть связано с различной степенью формализации планов и различиями в том, насколько последовательно они используются в процессе сопровождения. Однако более общая проблема состоит в том, что план может иметь профессиональную значимость для специалиста, не становясь при этом субъективно значимым инструментом для самой клиентки.

Аналогичная ситуация возникает с психологической помощью. Отдельные разговоры и отношения с психологом могут восприниматься как чрезвычайно важные. Однако долгосрочная психологическая работа редко описывается как необходимый ресурс после завершения непосредственного кризиса. Между тем именно длительная работа с эмоциональными привязанностями, способами формирования доверия, переживанием стыда и эмоциональной регуляцией может иметь значение для предотвращения повторного воспроизводства кризисных ситуаций. Без этого устранение непосредственных материальных дефицитов может оказаться недостаточным. Материалы интервью пока не позволяют установить такую прямую зависимость. Скорее, можно говорить о необходимости различать предоставление ресурса, его использование и

способность встроить его в устойчивую практику действия после завершения сопровождения.

7.5. Время как ресурс институционального вмешательства.

Материалы интервью позволяют предположить, что одним из наиболее существенных ограничений помощи является время. Некоторые дефициты могут быть компенсированы относительно быстро. Например, центр способен предоставить безопасное место проживания, организовать юридическую консультацию или помочь с оформлением документов. Однако изменение сложившихся способов действия требует значительно большего времени. Это касается способности защищать собственные интересы, планировать расходы, оценивать риски, строить отношения, разрешать конфликты и принимать решения без постоянной ориентации на более статусного или ресурсного другого.

Это, ну, во-первых, я так понимаю, что нужно это понять, а потом ещё нужно научиться это делать [чему научили психологи, кураторы] Конечно, но это время всё, но я не знаю (Ева, 45 лет)

В этом отношении прекращение непосредственного кризиса и преодоление механизмов, которые способствовали его возникновению, являются различными процессами. Женщина может покинуть опасные отношения, получить жилье или найти работу, но при этом сохранять способы действия, которые ранее приводили к зависимости или повышенному риску. Именно поэтому повторное обращение следует рассматривать не только как возвращение к прежней ситуации, но и как возможный показатель незавершенности личной трансформации личной. При этом незавершенность не обязательно означает неэффективность работы центра. Она может указывать на несоответствие между продолжительностью институционального сопровождения и временем, необходимым для изменения устойчивых социальных практик.

- Как долго вы позволяете им проживать?

- Смотрите, проживать каждая семья… это все индивидуально. Вот в нашем центре индивидуально иногда надо, чтобы она подольше пожила, это будет ей в плюс. А иногда, если она будет долго жить, это будет уже ей не в пользу (Элла, сотрудница центра)

Аналитический вывод

Материалы интервью позволяют рассматривать повторное обращение и «неудачу» не как показатель неэффективности кризисного центра, а как результат взаимодействия нескольких уровней ресурсов. Центр относительно эффективно компенсирует непосредственные дефициты – отсутствие безопасности, жилья, правовой информации и организационной поддержки, психологической помощи. Однако значительно сложнее оказывается изменение механизмов, через которые кризис воспроизводится: зависимых отношений, способов формирования доверия, ориентации на перераспределение помощи, экономической нестабильности и ограниченного опыта самостоятельного действия.

Наиболее существенная граница вмешательства связана с различием между получением ресурса и способностью устойчиво им распорядиться. Предоставление жилья, юридической помощи или временной поддержки не гарантирует изменения социальных практик, которые ранее ограничивали возможности женщины. В этом смысле устойчивый эффект помощи зависит не только от объема предоставленных ресурсов, но и от возможности освоить новые способы координации отношений, защиты собственных интересов, оценки рисков и организации повседневной жизни. Повторное возвращение в систему помощи может происходить вследствие новых обстоятельств, но также свидетельствовать о том, что непосредственное разрешение кризиса оказалось быстрее, чем изменение условий и практик, способствовавших его возникновению. Поэтому ключевым вопросом оценки эффективности становится не только то, была ли решена первоначальная проблема, но и изменилась ли сама конфигурация ресурсов и отношений, внутри которой эта проблема возникла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы интервью показывают, что попадание в кризисную ситуацию редко объясняется одной причиной. Как правило, кризис возникает в результате накопления и взаимного усиления нескольких дефицитов. Среди наиболее значимых обстоятельств – утрата жилья или невозможность реализовать жилищные права, домашнее насилие, смерть или болезнь близких, нестабильная занятость, зависимость от партнера или родственников, недостаток правовых и практических знаний, а также ограниченность социальных связей и доступных источников поддержки болезнь клиентки или ребенка. Эти факторы не существуют изолированно: потеря одного ресурса часто повышает вероятность утраты других.

Особое значение имеет момент, который женщины описывают словами «некуда идти» или «я осталась одна». Это не обязательно начало кризиса, а скорее момент, когда прежние способы решения проблем перестают работать. К этому времени часть социальных, экономических и эмоциональных ресурсов уже оказывается исчерпанной. В ситуациях домашнего насилия самостоятельное действие особенно часто стимулируется угрозой детям: необходимость защитить ребенка может стать моментом, когда сохранение прежних отношений перестает восприниматься как возможное.

Интервью позволяют выделить две основные конфигурации действия. Первая связана с «ресурсным истощением». В этой ситуации женщина постепенно теряет доступ к прежним источникам поддержки и вынуждена искать новые возможности действия. Отсюда возникает выраженный мотив самостоятельности: «надо что-то делать», «я должна справиться», «я готова работать». Однако самостоятельное действие происходит в условиях ограниченного выбора. Оно может приводить к принятию низкооплачиваемой или нестабильной работы, новым расходам и дальнейшему истощению ресурсов.

Вторая конфигурация связана со «стратегической зависимостью». В этом случае получение помощи не является простым пассивным ожиданием поддержки. Напротив, оно требует активной работы по поддержанию отношений, поиску новых источников помощи и сохранению социального признания. Однако такая стратегия в большей степени ориентирована на использование и воспроизводство существующих сетей, чем на изменение собственной жизненной ситуации. В некоторых случаях она может перерастать в распределительный труд: получаемые ресурсы включаются в существующие отношения и перераспределяются между родственниками, друзьями и другими

значимыми людьми. В результате помощь может поддерживать социальную сеть, но ее объема оказывается недостаточно для устойчивого выхода самой женщины из кризиса.

Кризисные центры компенсируют прежде всего непосредственные дефициты. Безопасное проживание позволяет временно разорвать опасные отношения и снизить повседневную нагрузку. Юридическая помощь дает возможность разобраться с жилищными правами, отношениями с партнером и вопросами, связанными с детьми. Социальные работники помогают организовать повседневную жизнь, планировать расходы, искать жилье и работу. Психологическая помощь, в свою очередь, направлена на осмысление и нормализацию пережитого опыта, восстановление контакта с собственным телом и освоение способов совладания с паническими атаками и другими состояниями, а также на формирование новых навыков. При этом ее долгосрочная ценность может быть неочевидна для самих клиенток, особенно на фоне материальных и бытовых потребностей.

Наиболее важным ресурсом центра оказывается не только отдельная услуга, но и опыт другой организации социальных отношений. Совместное проживание создает пространство, в котором необходимо договариваться, распределять обязанности, учитывать интересы других и самостоятельно участвовать в разрешении конфликтов. Юридическая помощь демонстрирует возможность защищать свои интересы через формальные процедуры, а не исключительно через личные отношения и зависимость от признания окружающих. В этом смысле центр может не просто компенсировать отсутствие ресурсов, но и создавать условия для освоения новых способов действия.

Вместе с тем вмешательство оказывается недостаточным, если непосредственное решение проблемы не сопровождается изменением условий, которые способствовали возникновению кризиса. Предоставление жилья, материальной помощи или юридической поддержки само по себе не гарантирует появления устойчивой самостоятельности. Особенно сложными остаются зависимые отношения, ограниченный опыт защиты собственных интересов, экономическая нестабильность, узкие социальные сети и привычные способы управления риском и доверием.

Повторное обращение в кризисный центр поэтому не следует автоматически интерпретировать как неудачу женщины или неэффективность самой помощи. Оно может быть связано с новыми обстоятельствами, но также свидетельствовать о том, что непосредственный кризис был преодолен быстрее,

чем изменились лежащие в его основе социальные отношения и способы действия. В случаях стратегической зависимости ресурсы центра могут включаться в прежнюю систему перераспределения и использоваться как очередной временный источник поддержки.

Таким образом, устойчивый выход связан со способностью женщины использовать полученные ресурсы для изменения собственной конфигурации отношений: расширения источников поддержки, формирования более устойчивой экономической и жилищной самостоятельности, освоения навыков координации с другими людьми и защиты собственных интересов. Наиболее перспективным результатом работы кризисного центра можно считать не только разрешение конкретной проблемы, но и создание условий, при которых необходимость постоянно возвращаться к прежним стратегиям зависимости и ресурсного истощения постепенно уменьшается.

Список литературы

Брачкова, Е. А., и др. 2016. «Кризисные центры как система социальной поддержки населения.» *NovaInfo.Ru* 1 (47): 358–361.

Жигунова, Г. В., и Н. О. Пономаренко. 2015. «Причины насилия над женщинами в семье.» *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки* № 2 (34): 137–144.

Забелина, Т. Ю., Е. В. Исраелян, и Н. А. Шведова. 2006. «Канада и проблема насилия в семье: двадцать лет борьбы.» *Вопросы ювенальной юстиции* № 4: 15–18.

Заброда, Д. Г., и С. Н. Заброда. 2016. «Австрийский опыт предупреждения домашнего насилия: характеристика и предложения по использованию в России.» *Общество и право* № 3 (57): 107–112.

Здравомыслова, О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации / О. М. Здравомыслова. — Москва : Едиториал УРСС, 2003.

Кондря, Т. И. Особенности работы кризисных центров с женщинами, пострадавшими от семейного насилия / Т. И. Кондря // Baikal Research Journal. — 2017. — Т. 8, № 4. — DOI: https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(4).7 . — URL: https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=21895 .

Кризисные центры временного проживания для женщин с детьми. Технология работы: методическое пособие из опыта работы организаций, имеющих в своем составе кризисные центры временного проживания для женщин с детьми. МОО «Аистенок», 2024.

Михайлова, Е. В. 2025. «Кризисные центры для женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации: вопросы правового регулирования.» *Вестник ВИПК МВД России* № 4 (76). https://cyberleninka.ru/article/n/krizisnye-tsentry-dlya-zhenschin-okazavshihsya-v-trudnoy-zhiznennoy-situatsii-voprosy-pravovogo-regulirovaniya.

Немировский, В. Г., и А. В. Немировская. 2012. «Чувство незащищенности от социальных опасностей как основа типологизации регионов (по материалам социологических исследований в Восточной и Западной Сибири).» *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены* № 1 (107): 113–127.

Праведникова, М. В. 2025. «Развитие категории „уязвимые группы населения“: историко-правовой анализ.» *Вестник права и цифрового развития* № 2: 45– https://journals.rcsi.science/2587-9340/article/download/386891/654841.

Слабое звено: социальный портрет женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации, обращающихся в кризисные центры, изучение их потребностей в услугах / под ред. Л. В. Лазаревой; науч. консультант А. Д. Трахтенберг. 2-е изд., стереотип. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. 96 с.

Слабое звено: социальный портрет женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации, обращающихся в кризисные центры, изучение их потребностей в услугах. Часть 2. Кризисные центры глазами руководителей и сотрудников / под ред. Л. В. Лазаревой; науч. консультант А. Д. Трахтенберг. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019, 62 с.

Сошникова, И. В., и В. И. Шерпаев. 2012. «Насилие — социальная опасность семьи.» *Известия УрГЭУ* № 5 (43): 137–141.

Черствая, О. Е. 2010. «Просвещение населения как направление деятельности автономной некоммерческой организации „Кризисный центр для женщин“.» *Вестник ТГПУ* № 10: 131–135.

Черствая, О. Е. 2012. «Современное состояние деятельности российских некоммерческих организаций по сопровождению женщин.» *Проблемы развития территории* № 3 (59): 76–83.

Bertaux, Daniel, ed. 1981. *Biography and Society: The Life History Approach in the Social Sciences*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.

Bolger, Niall, Amanda Zuckerman, and Ronald C. Kessler. 2000. "Invisible Support and Adjustment to Stress." *Journal of Personality and Social Psychology* 79 (6): 953–961.

Bourdieu, Pierre. 1986. "The Forms of Capital." In *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, edited by John G. Richardson, 241–258. New York: Greenwood Press.

Braun, Virginia, and Victoria Clarke. 2006. "Using Thematic Analysis in Psychology." *Qualitative Research in Psychology* 3 (2): 77–101.

Braun, Virginia, and Victoria Clarke. 2019. "Reflecting on Reflexive Thematic Analysis." *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health* 11 (4): 589–597.

Brown, Kate, Kathryn Ecclestone, and Nick Emmel. 2017. "The Many Faces of Vulnerability." *Social Policy & Society* 16 (3): 497–510. https://doi.org/10.1017/S1474746416000610.

Burgess-Proctor, Amanda. 2012. "Pathways of Victimization and Resistance: Toward a Feminist Theory of Battered Women's Help-Seeking." *Justice Quarterly* 29 (3): 309–346. https://doi.org/10.1080/07418825.2011.563022.

Cottingham, M. D. 2016. "Theorizing Emotional Capital." *Theory and Society* 45: 451–470.

Crowell, Nancy A. 2004. "Weak Ties: A Mechanism for Helping Women Expand Their Social Networks and Increase Their Capital." *The Social Science Journal* 41 (2): 271–279. https://doi.org/10.1016/j.soscij.2004.01.008.

Elder, Glen H., Jr. 1974. *Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience*. Chicago: University of Chicago Press.

Elder, Glen H., Jr. 1998. "The Life Course as Developmental Theory." *Child Development* 69 (1): 1–12.

Elder, Glen H., Jr. 1999. *Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience*. 25th anniversary ed. Boulder, CO: Westview Press.

Elder, Glen H., Jr. 2003. "The Life Course and Human Development." In *Handbook of Child Psychology*, vol. 1, *Theoretical Models of Human Development*, edited by Richard M. Lerner, 665–715. New York: Wiley.

Fassin, Didier. 2009. "Les économies morales revisitées." *Annales. Histoire, Sciences Sociales* 64 (6): 1237–1266.

Fineman, Martha Albertson. 2010. "The Vulnerable Subject and the Responsive State." *Emory Law Journal* 60 (2): 251–275.

Goffman, Erving. 1963. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Granovetter, Mark S. 1973. "The Strength of Weak Ties." *American Journal of Sociology* 78 (6): 1360–1380. https://doi.org/10.1086/225469.

Hobfoll, Stevan E. 1989. "Conservation of Resources: A New Approach to Conceptualizing Stress." *American Psychologist* 44 (3): 513–524. https://doi.org/10.1037/0003-066X.44.3.513.

Hobfoll, Stevan E. 2001. "The Influence of Culture, Community, and the Nested-Self in the Stress Process: Advancing Conservation of Resources Theory." *Applied Psychology: An International Review* 50 (3): 337–421.

Honneth, Axel. 1995. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: Polity Press.

Liang, Belle, Lisa Goodman, Pratyusha Tummala-Narra, and Sarah Weintraub. 2005. "A Theoretical Framework for Understanding Help-Seeking Processes Among Survivors of Intimate Partner Violence." *American Journal of Community Psychology* 36 (1–2): 71–84. https://doi.org/10.1007/s10464-005-6233-6.

Lin, Nan, Ronald S. Simeone, Walter M. Ensel, and Wen Kuo. 1979. "Social Support, Stressful Life Events, and Illness: A Model and an Empirical Test." *Journal of Health and Social Behavior* 20 (2): 108–119.

Lipsky, Michael. 2010. *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. 30th Anniversary Expanded Edition. New York: Russell Sage Foundation.

Mauss, Marcel. 1990. *The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies*. Translated by W. D. Halls. New York: W. W. Norton. (Original work published 1925.)

Nelson, Margaret K. 2000. "Single Mothers and Social Support: The Commitment to, and Retreat from, Reciprocity." *Qualitative Sociology* 23 (3): 291–318. https://doi.org/10.1023/A:1005567910606.

Nowotny, Helga. 1981. "Women in Public Life in Austria." In *Access to Power: Cross-National Studies of Women and Elites*, edited by C. F. Epstein and R. L. Coser, 127–140. London: Allen & Unwin.

Overstreet, Nicole M., and Diane M. Quinn. 2013. "The Intimate Partner Violence Stigmatization Model and Barriers to Help-Seeking." *Basic and Applied Social Psychology* 35 (1): 109–122. https://doi.org/10.1080/01973533.2012.746599.

Portes, Alejandro. 1998. "Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology." *Annual Review of Sociology*24: 1–24.

Reay, Diane. 2000. "A Useful Extension of Bourdieu's Conceptual Framework? Emotional Capital as a Way of Understanding Mothers' Involvement in Their Children's Education." *The Sociological Review* 48 (4): 568–585.

Riessman, Catherine K. 2008. *Narrative Methods for the Human Sciences*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Rosenthal, Gabriele. 1995. *Erlebte und erzählte Lebensgeschichte: Gestalt und Struktur biographischer Selbstbeschreibungen*. Frankfurt am Main: Campus Verlag.

Schütze, Fritz. 1977. "Die Technik des narrativen Interviews in Interaktionsfeldstudien." *Arbeitsberichte und Forschungsmaterialien* Nr. 1. Bielefeld: Universität Bielefeld, Fakultät für Soziologie.

Schütze, Fritz. 1983. "Biographieforschung und narratives Interview." *Neue Praxis* 13 (3): 283–293.

Stuvøy, Kirsti. 2010. "Human Security Research Practices: Conceptualizing Security for Women's Crisis Centres in Russia." *Security Dialogue* 41 (3): 279–299. https://doi.org/10.1177/0967010610370226.

Thompson, E. P. 1971. "The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century." *Past & Present* 50: 76–136.

World Health Organization. 2013. *Responding to Intimate Partner Violence and Sexual Violence against Women: WHO Clinical and Policy Guidelines*. Geneva: WHO.

World Health Organization. 2014. *Health Care for Women Subjected to Intimate Partner Violence or Sexual Violence: A Clinical Handbook*. Geneva: WHO. https://iris.who.int/handle/10665/136101.

Приложение 1

№	Псевдоним	Возраст	Стататус	Опыт повторного обращения
1	Абигайл	26	Клиентка центра	Нет
2	Алевтина	38	Клиентка центра	Нет
3	Александра	55	Клиентка центра	Есть
4	Альбина	21	Клиентка центра	Есть
5	Ангелина	42	Клиентка центра	Есть
6	Антонина	20	Клиентка центра	Нет
7	Аня	48	Клиентка центра	Нет
8	Ариадна	45	Сотрудница центра	Нет
9	Арина	42	Сотрудница центра	Нет
10	Ася	45	Клиентка центра	Нет
11	Валентина	63	Сотрудница центра	Нет
12	Валентина	55	Клиентка центра	Нет
13	Валерия	42	Клиентка центра	Нет
14	Василиса	40	Клиентка центра	Нет
15	Вера	32	Клиентка центра	Нет
16	Виктория	46	Клиентка центра	Нет
17	Виолетта	36	Клиентка центра	Нет
18	Владислава	36	Клиентка центра	Нет
19	Галина	25	Клиентка центра	Нет
20	Григорий	65	Клиентка центра	Нет
21	Дарья	37	Клиентка центра	Нет
22	Диана	36	Клиентка центра	Нет
23	Диана	41	Клиентка центра	Нет
24	Ева	45	Клиентка центра	Есть
25	Евгения	36	Клиентка центра	Есть
26	Елизавета	47	Клиентка центра	Есть
27	Ефимия	49	Клиентка центра	Нет
28	Жанна	52	Клиентка центра	Есть
29	Злата	39	Клиентка центра	Есть
30	Зоя	18	Клиентка центра	Нет
31	Инга	39	Сотрудница центра	Нет
32	Инна	35	Клиентка центра	Нет
33	Катя	38	Клиентка центра	Нет
34	Кира	63	Сотрудница цента	Нет
35	Кристина	48	Клиентка центра	Нет

36	Ксения	42	Клиентка центра	Нет
37	Лада	50	Клиентка центра	Нет
38	Лидия	40	Клиентка центра	Есть
39	Лина	51	Клиентка центра	Есть
40	Майя	30	Сотрудница центра	Нет
41	Марина	36	Клиентка центра	Нет
42	Мария	35	Сотрудница центра	Нет
43	Марфа	39	Клиентка центра	Нет
44	Милена	40	Клиентка центра	Есть
45	Михаил	46	Клиентка центра	Нет
46	Надежда	55	Клиентка центра	Есть
47	Нелли	34	Клиентка центра	Есть
48	Ника	52	Сотрудница центра	Нет
49	Нонна	67	Клиентка центра	Нет
50	Олеся	36	Клиентка центра	Нет
51	Ольга	39	Сотрудница центра	Нет
52	Полина	25	Клиентка центра	Нет
53	Раиса	42	Клиентка центра	Нет
54	Римма	31	Клиентка центра	Нет
55	Роза	62	Клиентка центра	Есть
56	Руслана	39	Клиентка центра	Есть
57	Сабина	34	Клиентка центра	Есть
58	Светлана	41	Клиентка центра	Есть
59	Серафима	36	Клиентка центра	Есть
60	София	35	Клиентка центра	Нет
61	Станислава	43	Сотрудница центра	Нет
62	Стелла	51	Клиентка центра	Есть
63	Таисия	36	Клиентка центра	Есть
64	Татьяна	60	Клиентка центра	Нет
65	Ульяна	56	Клиентка центра	Нет
66	Фекла	43	Клиентка центра	Нет
67	Элина	53	Клиентка центра	Нет
68	Элла	51	Сотрудница центра	Нет
69	Ярослава	29	Клиентка центра	Нет

Приложение 2

Вопросы онлайн-анкеты

Опыт преодоления кризисной ситуации

Уважаемые участники!

Мы проводим исследование опыта семей, обращавшихся в кризисные центры и приюты. Нас интересует, каким образом люди справляются с кризисной ситуацией, какие ресурсы используют, что помогает преодолеть трудности и как меняется их жизнь после обращения за помощью.

Анкета полностью анонимна. На большинство вопросов можно выбрать несколько вариантов ответа. Если среди предложенных вариантов нет подходящего, вы можете написать свой ответ.

В анкете 26 вопросов, среднее время заполнения около 15-ти минут.

1. Укажите Ваш пол
Женский
Мужской
Предпочитаю не отвечать

2. Укажите Ваш возраст
_____

3. Какое у Вас образование?
Начальное общее (1-4 классы)
Основное общее (5-9 классы)
Среднее общее (10-11 классы)
Среднее профессиональное
Высшее образование

4. Какова Ваша текущая занятость?
Работа по найму
Работаю неофициально
Самозанятость / индивидуальный предприниматель
Временно не работаю
Нахожусь в отпуске по уходу за ребенком
Учусь
Пенсионер
Другое

_____

5. Как бы Вы оценили материальное положение своей семьи в настоящее время?

Денег не хватает даже на основные потребности
Хватает только на самое необходимое
Хватает на повседневные расходы, но крупные покупки затруднительны
Материаальных трудностей практически нет
Материальных трудностей нет, и могу позволить себе необходимые и большинство крупных расходов без существенных ограничений
Затрудняюсь ответить

6. Ваше текущее семейное положение в настоящее время

Замужем / женат
Проживаю с партнёром
Разведена / разведён
Вдова / вдовец
Не состою в отношениях
Другое
_____

7. Сколько несовершеннолетних детей находится на Вашем попечении?

Нет детей
Один
Двое
Трое
Четверо и более

8. Помимо детей, если у Вас близкие люди, которым Вы регулярно помогаете ил о которых заботитесь? (возможно несколько вариантов ответа)

Совершеннолетние дети
Родители
Пожилые родственники
Родственники с тяжелыми заболеванием
Нет людей о которых я регулярно забочусь
Другое
_____

9. Напишите, в каком регионе Вы проживете?

_____

10.Укажите размер населенного пункта, в котором Вы проживете:
Город с населением более 1 млн. человек
Город с населением от 250 тыс. до 1 млн человек
Город с население от 50 тыс., до 250 тыс. человек
Город с населением менее 50 тыс. человек
Поселок городского типа
Село или деревня

11.Есть ли в населенном пункте, где Вы проживаете, организации, куда модно обратиться в трудной жизненной ситуации?
Да, несколько организаций
Да, одна организация
Нет
Не знаю

12.Когда Вы впервые обратились в кризисный центр (приют)?
1-2 месяца назад
3-6 месяце назад
6-12 месяцев назад
Более года назад

13.Вы еще продолжаете получать помощь в кризисном центре (приюте)?
Сейчас получаю помощь или проживаю в кризисном центре
Больше не получаю помощь

14.Обращались ли Вы в кризисный цент или приют повторно?
Нет
Да, один раз
Да, несколько раз

15.Представим двух человек, оказавшихся в похожей трудной жизненной ситуации. Как Вы думаете, кому следует помочь в первую очередь?
(Выберите не более трех вариантов)
Тому, кто не может справиться самостоятельно
Тому, у кого есть дети
Тому, кто оказался в ситуации не по своей вине
Тому, кто готов менять свою жизнь
Тому, кто имеет зависимости
Другое
_____

16. До первого обращения в кризисный центр (приюты) обращались ли Вы за помощью в к другим людями или организациями?

(возможно несколько вариантов ответа)

К родственникам
К друзьям
К соседям и знакомым
В государственные службы
В благотворительные организации
В религиозные организации
К коллегам по работе
Нет, обращении не было
Другое

_____

17. Что стало главной причиной Вашего обращения в кризисный центр (приют)?

(укажите то, что вам кажется самым главным)

_____

18. Какие обстоятельства, по Вашему мнению, больше всего мешали самостоятельно справится с ситуацией?

(возможно несколько вариантов ответа)

Нехватка денег
Отсутствие жилья
Отсутствие поддержки родственников и друзей
Отсутствие поддержки супруга / партнёра
Психологическое состояние
Проблемы со здоровьем
Невозможность найти подходящую работу
Проблемы с документами
Домашнее насилие
Другое

_____

19. Если Вам было трудно обратиться за помощью, что было основной причиной?

(выберите не более двух вариантов)

Чувство стыда
Чувство страха
Не хотелось беспокоить других
Считаю, что нужно решать проблемы самостоятельно
Не было доверия к организациям

Не было понимания куда обратиться
Мне не составляет труда обратиться за помощью
Другое

20.Какую помощь Вы получили?
(возможно несколько вариантов ответа)
Временное жилье
Материальную или вещевую помощь
Продуктовую помощь
Психологическую помощь
Помощь в оформлении документов
Помощь в поиске работы
Помощь по уходу за детьми
Помощь в формировании нужных навыков
Другое
_____

21.После завершения получения помощи в кризисном центре, кто больше всего помог Вам продолжить изменения в своей жизни?
(возможно несколько вариантов ответа)
Супруг / супруга
Дети
Другие родственники
Друзья
Соседи и знакомые
Государственные службы
Благотворительные организации
Специалисты кризисного центра (приюта)
Никто
Другое
_____

22.Какие виды помощи оказались для Вас действительно полезными в преодолении кризисной ситуации?
(возможно несколько вариантов ответа)
Временное жилье
Материальную или вещевую помощь
Продуктовую помощь
Психологическую помощь
Помощь в оформлении документов
Помощь в поиске работы
Помощь по уходу за детьми

Помощь в формировании нужных навыков
Другое
_____

23. Что изменилось после обращения в кризисный центр?
(возможно несколько вариантов ответа)
Улучшилось материальное положение
Появлялось безопасное место для жизни
Улучшились отношения с родителями
Стало легче обращаться за помощь
Улучшилось психологическое состояние
Смогла оформить пособия или документы
Улучшились отношения с детьми
Улучшились отношения с супругом / партнером
Существенных изменений не произошло
Другое
_____

24. Приходилось ли Вам сталкиваться с тем, что окружающие не поддержали изменения, которые произошли с Вами после обращения в кризисный центр?
Нет
Да, приходилось

25. Какие изменения в себе Вы отметили после обращения в кризисный Центра?
(возможно несколько вариантов ответа)
Я увереннее в своих силах
Легче прошу помощи
Легче принимаю помощь
Больше доверяю людям
Острожнее в отношениях
Лучше понимаю, куда обращаться за помощью
Самостоятельно решаю многие проблемы
Существенных изменений не произошло
Другое
_____

26. Представьте, что к Вам за советом обратилась женщина с детьми, оказавшаяся в трудной жизненной ситуации. Она понимает, что ей может понадобиться помощь, но долго не решается обратиться за ней. Что бы Вы сказали ей?

Приложение 3.

Итоговый кодбук тематического анализа биографических интервью

Принцип организации и применения кодбука

Кодбук организован иерархически. Он включает аналитические категории верхнего уровня и расположенные внутри них коды второго уровня.

Тема – аналитическая единица, отражающая устойчивый паттерн значения, релевантный исследовательскому вопросу и объединяющий взаимосвязанные коды.

Код – интерпретативный ярлык, присваиваемый смысловому фрагменту данных и фиксирующий его аналитическую релевантность.

Единицей кодирования является смысловой фрагмент интервью, содержащий относительно завершённое высказывание о ситуации, ресурсе, отношении, действии, обращении за помощью или его результате. Один фрагмент может получать несколько кодов, если в нём одновременно присутствуют разные аналитически значимые аспекты.

Тема 1. Формирование и развитие кризисной ситуации

1.1. Исчерпание доступной поддержки

Определение:

Ситуация, в которой ранее доступный источник помощи перестаёт обеспечивать необходимую поддержку или его возможностей оказывается недостаточно для решения возникшей проблемы.

Включение:

Кодируется, если участница прямо описывает прекращение, уменьшение или недостаточность помощи со стороны родственников, партнёра, друзей, знакомых или других лиц.

Исключение:

Не кодировать, если речь идёт только об отсутствии поддержки изначально.

Пример:

«Сначала сестра меня поддерживала, но потом у неё самой начались проблемы, и она уже не могла меня принимать.»

Иерархия: Формирование и развитие кризисной ситуации 1.1.

1.2. «Некуда идти»

Определение:

Субъективно переживаемое отсутствие приемлемого человека, места или институции, к которым можно обратиться в кризисной ситуации.

Включение:

Кодировать высказывания об отсутствии вариантов, куда можно пойти или у кого попросить помощи, если это описывается как общая ситуация отсутствия выхода.

Исключение:

Не кодировать только факт отсутствия жилья, если не говорится об отсутствии места или варианта обращения.

Пример:

«Я тогда просто не понимала, куда мне идти. У меня больше никого не было.»

Иерархия: Формирование и развитие кризисной ситуации 1.2.

1.3. Потеря или угроза потери жилья

Определение:

Фактическая утрата жилья или непосредственная угроза его утраты, включая выселение, невозможность продолжать проживание или отсутствие собственного места проживания.

Включение:

Кодировать конкретные события и обстоятельства, связанные с утратой или угрозой утраты жилья.

Исключение:

Не кодировать ситуации, когда жильё имеется, но участница описывает только неудовлетворительные бытовые условия.

Пример:

«Мне сказали, что я больше не могу там жить, и я вообще не знала, где буду ночевать с ребёнком»

Иерархия: Формирование и развитие кризисной ситуации 1.3.

1.4. Домашнее насилие как фактор кризиса

Определение:

Физическое, психологическое, сексуальное, экономическое или иное насилие в семейных или партнёрских отношениях, которое является обстоятельством кризиса или ограничивает возможности действия участницы.

Включение:

Кодировать конкретные описания насилия, угроз насилия и его непосредственных последствий.

Исключение:

Не кодировать любой конфликт с партнёром без признаков насилия; такие фрагменты могут относиться к другим кодам отношений или зависимости.

Пример:

«После того случая я поняла, что оставаться дома больше нельзя, потому что я боялась за себя и детей.»

Иерархия: Формирование и развитие кризисной ситуации 1.4.

1.5. Угроза детям как основание действия

Определение:

Забота о безопасности, здоровье, благополучии или будущем ребёнка, выступающая непосредственным основанием для принятия решения или совершения действия.

Включение:

Кодировать, когда участница прямо связывает своё действие с необходимостью защитить ребёнка или обеспечить ему определённые условия.

Исключение:

Не кодировать простое упоминание детей, если они не являются основанием действия.

Пример:

«В отношении себя я бы, наверное, ещё терпела, но когда поняла, что ребёнок это всё видит, решила уходить».

Иерархия: Формирование и развитие кризисной ситуации 1.5.

1.6. Аккумуляция проблем

Определение:

Кризисная ситуация, формирующаяся вследствие одновременного или последовательного накопления нескольких взаимосвязанных проблем.

Включение:

Кодировать, если участница описывает сочетание нескольких дефицитов или проблем как единый процесс развития кризиса.

Исключение:

Не кодировать перечисление нескольких обстоятельств, если между ними не устанавливается связь с развитием кризисной ситуации.

Пример:

«Сначала потеряла работу, потом начались проблемы с квартирой, потом уже не было денег, и мы с ребёнком остались фактически без поддержки».

Иерархия: Формирование и развитие кризисной ситуации 1.6.

Тема 2. Ресурсная ситуация

2.1. Жилищный дефицит

Определение:

Недостаток безопасного, стабильного или самостоятельного жилья либо невозможность самостоятельно обеспечить приемлемые жилищные условия.

Включение:

Кодировать отсутствие жилья, нестабильное проживание, зависимость от чужого жилья или невозможность самостоятельно оплачивать, обеспечивать жильё.

Исключение:

Не кодировать конкретную угрозу выселения как единственный аспект ситуации.

Пример:

«Своей квартиры у меня никогда не было, я всё время зависела от того, где нас смогут принять.»

Иерархия:Ресурсная ситуация 2.1.

2.2. Экономический дефицит

Определение:

Недостаток дохода, денежных средств, занятости или иных материальных ресурсов, ограничивающий самостоятельное решение проблем.

Включение:

Кодировать прямые упоминания отсутствия денег, дохода, работы или невозможности оплатить необходимые расходы.

Исключение:

Не кодировать общую зависимость от партнёра без указания на материальную составляющую.

Пример:

«Я работала, но этих денег не хватало даже на аренду и еду.»

Иерархия: Ресурсная ситуация 2.2.

2.3. Дефицит институциональных знаний

Определение:

Недостаток знаний о правах, социальных услугах, юридических процедурах, правилах и возможных способах взаимодействия с институтами.

Включение:

Кодировать незнание того, куда обращаться, какие права существуют, какие документы нужны или как функционирует соответствующая процедура.

Исключение:

Не кодировать отсутствие практического умения выполнить уже известную процедуру.

Пример:

«Я даже не знала, что имею право на такую помощь и куда вообще с этим обращаться.»

Иерархия: Ресурсная ситуация 2.3.

2.4. Дефицит практических навыков

Определение:

Недостаток практических умений, необходимых для самостоятельной организации повседневной жизни или решения конкретных задач.

Включение:

Кодировать отсутствие навыков планирования расходов, поиска жилья, организации быта, оформления документов и других практических действий.

Исключение:

Не кодировать незнание своих прав или процедур.

Пример:

«Я никогда сама не занималась квартирой, договорами, оплатой. Я вообще не знала, как это всё организовать.»

Иерархия: Ресурсная ситуация 2.4.

2.5. Ограниченность социальных связей

Определение:

Узость или недостаточность социальной сети, ограничивающая доступ к информации, помощи или другим ресурсам.

Включение:

Кодировать отсутствие людей, к которым можно обратиться, небольшой социальный круг или отсутствие связей, способных предоставить помощь.

Исключение:

Не кодировать конкретное прекращение ранее существовавшей помощи.

Пример:

«У меня практически никого здесь не было. Я не знала ни соседей, ни каких-то организаций.»

Иерархия: Ресурсная ситуация 2.5.

2.6. Эмоциональный ресурс и его дефицит

Определение:

Наличие или недостаток эмоциональной устойчивости и способности справляться со стрессом и продолжать действовать в кризисной ситуации.

Включение:

Кодировать описания эмоциональных сил, истощения, невозможности справляться, восстановления эмоциональной устойчивости.

Исключение:

Не кодировать само получение психологической помощи без описания эмоционального состояния.

Пример:

«В тот момент я была настолько вымотана, что вообще не могла думать, что делать дальше.»

Иерархия: Ресурсная ситуация 2.6.

2.7. Ресурс социального признания

Определение:

Признание участницы в определённой социальной роли или статуса со стороны других людей, которое поддерживает самооценку, отношения или доступ к помощи.

Включение:

Кодировать, когда признание как матери, партнёрши, самостоятельного человека, члена сообщества и т. п. имеет ресурсное значение.

Исключение:

Не кодировать любое положительное отношение или эмоциональную поддержку, если аспект признания социальной роли отсутствует.

Пример:

«Для меня было важно, что здесь ко мне относились не как к беспомощной, а как к человеку, который сам может решать.»

Иерархия: Ресурсная ситуация 2.7.

Тема 3. Способы действия и агентность

3.1. Самостоятельное действие

Определение:

Самостоятельное принятие решения или осуществление действия для решения проблемы без непосредственного побуждения или выполнения действия другим лицом.

Включение:

Кодировать поиск информации, звонок, обращение, принятие решения, уход, поиск жилья и другие действия, которые участница представляет как собственную инициативу.

Исключение:

Не кодировать действие, если участница подчёркивает, что решение или действие полностью исходили от другого человека.

Пример:

«Я сама нашла этот номер, сама позвонила и договорилась о встрече.»

Иерархия: Способы действия и агентность 3.1.

3.2. Агентность в условиях ограниченного выбора

Определение:

Самостоятельное действие в ситуации, когда доступные варианты существенно ограничены ресурсами, отношениями, детьми или другими обстоятельствами.

Включение:

Кодировать одновременно самостоятельность действия и явно описанные ограничения выбора.

Исключение:

Не кодировать самостоятельное действие без существенного описания ограничений.

Пример:

«Я понимала, что вариантов почти нет, но из тех, что были, выбрала этот и пошла туда.»

Иерархия: Способы действия и агентность 3.2.

3.3. Отказ от защиты собственных интересов

Определение:

Отказ или неспособность отстаивать собственные права, потребности или ресурсы ради сохранения отношений, помощи другому человеку или выполнения социальной роли.

Включение:

Кодировать, если участница описывает отказ от собственных интересов как значимое решение или повторяющуюся практику.

Исключение:

Не кодировать любое действие ради другого человека, если при этом собственные интересы не отодвигаются.

Пример:

«Я тогда даже не думала о том, чего хочу сама. Главное было, чтобы у него всё было нормально.»

Иерархия: Способы действия и агентность 3.3.

3.4. Делегирование ответственности

Определение:

Передача решения проблемы или ответственности за неё другому человеку, специалисту или институту.

Включение:

Кодировать, если участница сознательно или фактически передаёт другому субъекту решение задачи.

Исключение:

Не кодировать получение совета или информации, если ответственность за последующее решение остаётся у участницы.

Пример:

«Я уже не знала, что делать, поэтому попросила специалиста разобраться с документами.»

Иерархия: Способы действия и агентность 3.4.

3.5. Управление ресурсами через отношения

Определение:

Изменение, поддержание или активация социальных отношений с целью получения, сохранения или перераспределения ресурсов.

Включение:

Кодировать стратегическое использование социальных связей для решения ресурсной проблемы.

Исключение:

Не кодировать отношения как ресурс, если нет описания конкретного действия участницы по управлению этими отношениями.

Пример:

«Я специально поддерживала связь с этой женщиной, потому что через неё могла узнать, где есть свободное жильё.»

Иерархия: Способы действия и агентность 3.5.

Тема 4. Обращение за помощью

4.1. Неопределённый запрос

Определение:

Обращение за помощью, при котором участница первоначально не может точно определить необходимый ресурс или способ решения проблемы.

Включение:

Кодировать ситуации, когда участница знает, что нуждается в помощи, но не знает, какую именно помощь следует запросить.

Исключение:

Не кодировать обращения с самого начала конкретным запросом.

Пример:

«Я просто пришла и сказала, что мне нужна помощь, но сама не могла объяснить, какая именно»

Иерархия: Обращение за помощью 4.1.

4.2. Поиск авторитетной фигуры или институции

Определение:

Поиск человека или организации, воспринимаемых как способных разобраться в ситуации, определить возможное решение или восстановить порядок.

Включение:

Кодировать поиск специалиста, организации, государственного органа или другого авторитетного субъекта.

Исключение:

Не кодировать обращение к близким людям.

Пример:

«Я искала место, где мне кто-нибудь сможет объяснить, что вообще можно сделать.»

Иерархия: Обращение за помощью 4.2.

4.3. Поиск помощи через близкий круг

Определение:

Первичное обращение за помощью к родственникам, партнёру, друзьям или другим близким людям.

Включение:

Кодировать поиск или получение помощи через непосредственно близкие отношения.

Исключение:
Не кодировать обращение к знакомому специалисту или организации.
Пример:
«Сначала я позвонила подруге, потому что больше всего доверяла именно ей»
Иерархия: Обращение за помощью 4.3.

4.4. Поиск помощи через слабые связи
Определение:
Получение информации, доступа к помощи или ресурсу через социальные связи, не относящиеся к непосредственному близкому кругу.
Включение:
Кодировать помощь через знакомых, коллег, врачей, специалистов, соседей и другие менее близкие связи.
Исключение:
Не кодировать помощь от близкого родственника или партнёра.
Пример:
«Я почти её не знала, но она сказала, куда позвонить, и именно через неё я попала в центр.»
Иерархия: Обращение за помощью 4.4.

4.5. Конкретизация запроса
Определение:
Переход от общего или неопределённого описания проблемы к конкретно сформулированной потребности или запросу.
Включение:
Кодировать процесс, в котором в ходе взаимодействия становится понятно, какая именно помощь нужна.
Исключение:
Не кодировать изначально конкретный запрос.
Пример:
«Сначала я просто рассказывала, что всё плохо, а потом вместе со специалистом мы поняли, что прежде всего мне нужно решить вопрос с жильём.»
Иерархия: Обращение за помощью 4.5.

4.6. Барьеры обращения за помощью
Определение:
Обстоятельства, препятствующие обращению за помощью или откладывающие такое обращение.
Включение:
Кодировать страх, стыд, недоверие, отсутствие информации, страх последствий, страх потери детей и другие явно названные препятствия.

Исключение:
Не кодировать последствия уже состоявшегося обращения, если они не препятствовали обращению.

Пример:
«Я долго никому не рассказывала, потому что боялась, что у меня заберут детей.»

Иерархия: Обращение за помощью 4.6.

Тема 5. Доверие, риск и стыд

5.1. Доверие через разделяемую уязвимость

Определение:
Формирование доверия на основании общего опыта трудностей, риска или социальной уязвимости.

Включение:
Кодировать, если общность пережитого прямо представлена как основание доверия.

Исключение:
Не кодировать доверие, основанное преимущественно на эмоциональной близости.

Пример:
«Я смогла ей рассказать, потому что она сама через подобное прошла и не стала меня осуждать.»

Иерархия: Доверие, риск и стыд 5.1.

5.2. Сохранение тайны

Определение:
Представление конфиденциальности и неразглашения информации как условия доверия или сохранения отношений.

Включение:
Кодировать явные ожидания или договорённости о сохранении информации в тайне.

Исключение:
Не кодировать общее управление раскрытием информации без акцента на обязательстве сохранять тайну.

Пример:
«Мне было важно знать, что она никому не расскажет о том, что со мной происходит.»

Иерархия: Доверие, риск и стыд 5.2.

5.3. Риск как элемент отношений

Определение:

Ситуация, в которой разделение риска или готовность действовать в условиях общей опасности становится частью формирования или поддержания отношений.

Включение:

Кодировать, если совместное принятие риска представлено как основание доверия или связи.

Исключение:

Не кодировать риск, который только ограничивает обращение за помощью.

Пример:

«Я поняла, что могу ей доверять, когда она действительно пошла со мной, хотя понимала, чем это может закончиться.»

Иерархия: Доверие, риск и стыд 5.3.

5.3. Риск как ограничение доступа к ресурсам

Определение:

Угроза или потенциальные негативные последствия отношений или социальной среды, ограничивающие возможность обратиться за помощью или использовать ресурс.

Включение:

Кодировать, если риск непосредственно мешает действию, обращению или использованию ресурса.

Исключение:

Не кодировать любой риск в отношениях без связи с доступом к ресурсам.

Пример:

«Я не могла никому звонить при нём, потому что он проверял телефон.»

Иерархия: Доверие, риск и стыд 5.4.

5.4. Стыд обращения за помощью

Определение:

Переживание обращения за помощью как свидетельства собственной несостоятельности, неудачи или несоответствия социальным ожиданиям.

Включение:

Кодировать, когда стыд связан именно с необходимостью получать помощь.

Исключение:

Не кодировать стыд, связанный с раскрытием конкретного опыта насилия или других обстоятельств, если обращение за помощью не является источником стыда.

Пример:

«Мне было очень стыдно признаться, что я не могу сама обеспечить нам жильё.»

Иерархия: Доверие, риск и стыд 5.5.

5.6. Стигматизация и моральное осуждение

Определение:

Негативная социальная оценка, обвинение или моральное осуждение участницы в связи с её ситуацией или действиями.

Включение:

Кодировать конкретно описанные случаи осуждения со стороны других людей или социальных институтов.

Исключение:

Не кодировать собственное чувство стыда без указания на социальную оценку.

Пример:

«Мне говорили, что сама виновата, раз столько лет это терпела.»

Иерархия: Доверие, риск и стыд 5.6.

5.7. Управление раскрытием уязвимости

Определение:

Осознанный или ситуативный выбор того, какую информацию о своей ситуации участница сообщает другим людям, а какую скрывает.

Включение:

Кодировать выбор адресата, объёма и содержания раскрываемой информации.

Исключение:

Не кодировать простое наличие тайны без описания управления её раскрытием.

Пример:

«Я сначала не говорила про насилие, только сказала, что мне негде жить, а потом уже рассказала всё.»

Иерархия: Доверие, риск и стыд 5.7.

Тема 6. Зависимость и отношения

6.1. Экономическая зависимость

Определение:

Существенная зависимость доступа участницы к доходу, жилью или материальным ресурсам от другого человека.

Включение:

Кодировать, если другой человек контролирует или обеспечивает значимую часть материальных ресурсов участницы.

Исключение:

Не кодировать единичное получение материальной помощи без устойчивой зависимости.

Пример:

«Я не могла просто уйти, потому что все деньги и квартира были на нём.»

Иерархия: Зависимость и отношения 6.1.

6.2. Эмоциональная зависимость

Определение:

Сильная эмоциональная привязанность, влияющая на возможность прекратить отношения или изменить поведение.

Включение:

Кодировать, если эмоциональная привязанность прямо описывается как ограничивающая возможность действия.

Исключение:

Не кодировать обычную привязанность или любовь без признаков зависимости.

Пример:

«Я понимала, что мне плохо, но всё равно не могла представить, как буду без него.»

Иерархия: Зависимость и отношения 6.2.

6.3. Зависимость через заботу о ребёнке

Определение:

Зависимость от другого человека или системы, возникающая или поддерживаемая в связи с необходимостью обеспечивать уход за ребёнком.

Включение:

Кодировать ситуации, где распределение заботы о ребёнке влияет на доступ к жилью, доходу, помощи или возможности действовать.

Исключение:

Не кодировать простую ответственность за ребёнка без элемента зависимости.

Пример:

«Я не могла работать полный день, потому что некому было забирать ребёнка, поэтому мне приходилось рассчитывать на помощь.»

Иерархия: Зависимость и отношения 6.3.

6.4. Отношения как ресурс

Определение:

Социальные отношения, через которые участница получает доступ к материальным, информационным, эмоциональным, жилищным или другим ресурсам.

Включение:

Кодировать, когда отношения фактически обеспечивают ресурс.

Исключение:

Не кодировать отношения только как эмоционально значимые, если их ресурсная функция не описана.

Пример:

«Подруга дала мне пожить у неё, пока я искала другое место.»

Иерархия: Зависимость и отношения 6.4.

6.5. Воспроизводство зависимости

Определение:

Ситуация, в которой решение текущей проблемы сопровождается сохранением или возникновением новой зависимости.

Включение:

Кодировать, если новый ресурс решает непосредственную проблему, но создаёт или сохраняет зависимость от другого субъекта.

Исключение:

Не кодировать сам факт зависимости без указания на её сохранение или возникновение вследствие решения проблемы.

Пример:

«Я смогла решить вопрос с жильём, но только потому, что снова стала зависеть от другого человека.»

Иерархия: Зависимость и отношения 6.5.

6.6. Стратегическая зависимость

Определение:

Целенаправленное использование отношений зависимости как способа получения необходимых ресурсов при сохранении самой конфигурации зависимости.

Включение:

Кодировать, когда участница сознательно использует зависимое отношение для решения текущей задачи.

Исключение:

Не кодировать зависимость, если она переживается только как вынужденная и не используется участницей как способ действия.

Пример:

«Я понимала, что завишу от него, но пока мне было нужно жильё, я сознательно оставалась в этих отношениях.»

Иерархия: Зависимость и отношения 6.6.

Тема 7. Ресурсы кризисного центра

7.1. Безопасное проживание

Определение:

Проживание в кризисном центре как источник физической или социальной безопасности и возможность дистанцироваться от опасной ситуации.

Включение:

Кодировать, если центр обеспечивает безопасное место проживания или чувство защищённости.

Исключение:
Не кодировать проживание само по себе без описания его функции безопасности.

Пример:
«Самое главное было, что я могла закрыть дверь и знать, что он сюда не попадёт.»

Иерархия: Ресурсы кризисного центра 7.1.

7.2. Разрыв с опасными отношениями

Определение:
Возможность прекратить или временно ограничить контакт с человеком, представляющим угрозу, благодаря пребыванию в центре.

Включение:
Кодировать, если проживание в центре непосредственно обеспечивает дистанцирование от опасного человека.

Исключение:
Не кодировать просто безопасное проживание без связи с прекращением контакта.

Пример:
«Когда я приехала сюда, у меня впервые появилась возможность не встречаться с ним каждый день.»

Иерархия: Ресурсы кризисного центра 7.2.

7.3. Время для восстановления и решения проблем

Определение:
Временной ресурс, создаваемый пребыванием в центре, позволяющий восстановиться и заняться решением других проблем.

Включение:
Кодировать, когда участница описывает время или паузу как самостоятельный ресурс.

Исключение:
Не кодировать любое длительное проживание без описания его функции как временного пространства для восстановления или решения проблем.

Пример:
«Здесь я впервые могла просто остановиться и спокойно думать, что делать дальше.»

Иерархия: Ресурсы кризисного центра 7.3.

7.4. Юридическая помощь

Определение:
Предоставление юридических консультаций, документов, представительства, защиты прав или помощи во взаимодействии с государственными и другими институтами.

Включение:

Кодировать конкретные формы юридической поддержки.

Исключение:

Не кодировать общее объяснение ситуации специалистом, если юридический компонент отсутствует.

Пример:

«Юрист помогла мне составить документы и объяснила, что я могу требовать по закону.»

Иерархия: Ресурсы кризисного центра 7.4.

7.5. Психологическая помощь

Определение:

Профессиональная психологическая поддержка, направленная на эмоциональное состояние, переживание кризиса или изменение способов совладания.

Включение:

Кодировать работу с психологом, психологические консультации и прямо описанную психологическую поддержку.

Исключение:

Не кодировать эмоциональную поддержку со стороны других участниц или социальных работников, если профессиональная психологическая помощь отсутствует.

Пример:

«Я начала ходить к психологу и постепенно смогла говорить о том, что со мной произошло.»

Иерархия: Ресурсы кризисного центра 7.5.

7.6. Совместное проживание как социальный ресурс

Определение:

Совместное проживание в центре как пространство освоения взаимодействия, взаимной ответственности, распределения обязанностей и разрешения конфликтов.

Включение:

Кодировать ситуации, где именно совместная жизнь рассматривается как источник социального обучения или ресурса.

Исключение:

Не кодировать любое совместное проживание без описания его социальной функции.

Пример:

«Здесь я научилась договариваться с другими людьми, потому что нельзя было просто делать всё только по-своему.»

Иерархия: Ресурсы кризисного центра 7.6.

7.7. Социальный работник или куратор как посредник

Определение:

Специалист центра, который соединяет участницу с услугами, институтами, информацией или практической поддержкой.

Включение:

Кодировать посредническую, организационную или координирующую функцию специалиста.

Исключение:

Не кодировать психологическую или юридическую помощь специалиста, если именно эта профессиональная функция является центральной; тогда применяются соответствующие коды.

Пример:

«Куратор сама позвонила туда и договорилась, чтобы меня приняли.»

Иерархия: Ресурсы кризисного центра 7.7.

7.8. Освоение повседневных практик

Определение:

Приобретение или восстановление практических навыков самостоятельной организации повседневной жизни.

Включение:

Кодировать обучение планированию бюджета, ведению хозяйства, уходу за детьми, поиску жилья и другим практикам.

Исключение:

Не кодировать получение информации о правах или юридических процедурах.

Пример:

«Я научилась заранее планировать расходы и понимать, сколько у меня останется до конца месяца.»

Иерархия: Ресурсы кризисного центра 7.8.

7.9. Формализация отношений и правил

Определение:

Организация взаимодействия через формальные правила, права, обязанности, процедуры и договорённости вместо исключительно личных или неформальных отношений.

Включение:

Кодировать правила центра, официальные договорённости, процедуры и освоение формальных способов регулирования отношений.

Исключение:

Не кодировать любые правила как таковые, если они не связаны с переходом от неформального к формальному регулированию.

Пример:

«Здесь всё было прописано: кто за что отвечает и что я могу требовать, поэтому мне стало понятнее, как строить отношения.»

Иерархия: Ресурсы кризисного центра 7.9.

Тема 8. Использование полученных ресурсов

8.1. Получение ресурса

Определение:

Факт предоставления участнице материального, социального, юридического, психологического или иного ресурса.

Включение:

Кодировать само получение ресурса независимо от последующего результата.

Исключение:

Не кодировать только намерение предоставить ресурс, если фактического получения не произошло.

Пример:

«Мне предоставили место, где я могла жить, и я сразу туда переехала.»

Иерархия: Использование полученных ресурсов 8.1.

8.2. Использование ресурса

Определение:

Непосредственное применение уже полученного ресурса для решения конкретной проблемы.

Включение:

Кодировать описание того, как ресурс был практически использован.

Исключение:

Не кодировать сам факт получения ресурса без его дальнейшего применения.

Пример:

«С этими документами я уже смогла обратиться в администрацию и решить вопрос.»

Иерархия: Использование полученных ресурсов 8.2.

8.3. Конвертация ресурса

Определение:

Использование одного ресурса для получения, защиты или формирования другого ресурса.

Включение:

Кодировать последовательно описанную трансформацию одного ресурса в другой.

Исключение:

Не кодировать простое использование ресурса для непосредственного решения проблемы без появления другого ресурса.

Пример:

«Юрист помогла мне восстановить документы, а уже с документами я смогла оформить жильё.»

Иерархия: Использование полученных ресурсов 8.3.

8.4. Неудачная конвертация ресурса

Определение:

Ситуация, в которой предоставленный ресурс не приводит к ожидаемому результату или его использование порождает новые ограничения или риски.

Включение:

Кодировать явно описанную неудачу преобразования ресурса в ожидаемый результат.

Исключение:

Не кодировать отсутствие результата, если ресурс ещё не был использован или причина неудачи не связана с его использованием.

Пример:

«Мне дали деньги на переезд, но в итоге этого всё равно не хватило, и я снова оказалась без жилья.»

Иерархия: Использование полученных ресурсов 8.4.

Тема 9. Результаты и границы помощи

9.1. Непосредственное разрешение кризиса

Определение:

Решение конкретной актуальной проблемы в результате полученной помощи.

Включение:

Кодировать обеспечение безопасности, жилья, документов, юридической защиты или другого непосредственного результата.

Исключение:

Не кодировать более длительное изменение способов действия или отношений без непосредственного решения кризисной проблемы.

Пример:

«В итоге мне нашли жильё, и я смогла туда переехать вместе с ребёнком.»

Иерархия: Результаты и границы помощи 9.1.

9.2. Изменение практики действия

Определение:

Формирование нового способа действовать, принимать решения, защищать свои интересы или обращаться за ресурсами.

Включение:

Кодировать устойчивое или осмысленное изменение поведения и способов действия, возникшее после получения помощи.

Исключение:

Не кодировать единичное действие, если оно не представлено как изменение практики.

Пример:

«Раньше я молчала, а теперь, если мне что-то не подходит, я сразу спрашиваю и отстаиваю свою позицию.»

Иерархия: Результаты и границы помощи 9.2.

9.3. Изменение конфигурации отношений

Определение:

Изменение структуры, содержания или распределения ответственности в значимых социальных отношениях.

Включение:

Кодировать прекращение зависимости, расширение социальной сети, появление новых форм поддержки или изменение распределения ответственности.

Исключение:

Не кодировать изменение поведения самой участницы без изменения отношений.

Пример:

«После центра у меня появились другие люди, к которым я могла обратиться.»

Иерархия: Результаты и границы помощи 9.3.

9.4. Сохранение прежней конфигурации отношений

Определение:

Сохранение основных отношений зависимости, распределения ресурсов или структуры поддержки после получения помощи.

Включение:

Кодировать, когда непосредственная проблема решается, но базовая конфигурация отношений остаётся прежней.

Исключение:

Не кодировать просто продолжение любых отношений; необходима их структурная значимость для ресурсной ситуации.

Пример:

«Жить стало легче, но всё равно в финансовом плане я продолжала зависеть от помощи»

Иерархия: Результаты и границы помощи 9.4.

9.5. Временная компенсация дефицита

Определение:
Помощь временно уменьшает или устраняет ресурсный дефицит, но не изменяет условий, которые его воспроизводят.

Включение:
Кодировать временный характер результата и отсутствие устойчивого изменения исходной ресурсной ситуации.

Исключение:
Не кодировать устойчивое устранение дефицита.

Пример:
«Пока я была здесь, всё было решено, но после выхода вопрос с жильём снова возник.»

Иерархия: Результаты и границы помощи 9.5.

9.6. Повторное обращение

Определение:
Повторное обращение участницы в кризисный центр или другую организацию помощи после предыдущего обращения.

Включение:
Кодировать каждый явно описанный повторный эпизод обращения.

Исключение:
Не кодировать продолжение одного непрерывного эпизода помощи как повторное обращение.

Пример:
«Через несколько лет я снова пришла сюда, потому что опять возникла похожая ситуация.»

Иерархия: Результаты и границы помощи 9.6.

9.7. Возвращение к прежнему партнёру

Определение:
Возобновление или продолжение прежних партнёрских отношений после обращения за помощью.

Включение:
Кодировать факт возвращения к прежнему партнёру независимо от оценки участницей этого решения.

Исключение:
Не кодировать новые отношения или контакт с бывшим партнёром, если возвращения к партнёрским отношениям не произошло.

Пример:
«После того как я пожила здесь, я всё-таки вернулась к нему».

Иерархия: Результаты и границы помощи 9.7.

9.8. Новые отношения как ресурс

Определение:

Новые партнёрские или иные значимые отношения, обеспечивающие доступ к ресурсам.

Включение:

Кодировать, если новые отношения предоставляют жильё, доход, защиту, информацию, признание или другой ресурс.

Исключение:

Не кодировать сами новые отношения без указания на их ресурсную функцию.

Пример:

«С новым партнёром я смогла наконец снять квартиру, потому что мы разделили расходы.»

Иерархия: Результаты и границы помощи 9.8.

9.9. Новые отношения как источник потенциальной зависимости

Определение:

Новые отношения, которые обеспечивают ресурсы, но одновременно создают или потенциально создают зависимость от другого человека.

Включение:

Кодировать сочетание ресурсной функции новых отношений и зависимости или риска её возникновения.

Исключение:

Не кодировать новые отношения как зависимость, если ресурс предоставляется без признаков зависимости.

Пример:

«С ним мне стало намного проще с жильём, но я понимаю, что теперь опять начинаю от него зависеть.»

Иерархия: Результаты и границы помощи 9.9.

9.10. Незавершённость изменения

Определение:

Ситуация, в которой непосредственная проблема частично или полностью решена, но сохраняются дефициты, зависимости или практики, связанные с воспроизводством кризисной ситуации.

Включение:

Кодировать сочетание признаков непосредственного улучшения и сохраняющихся структурных ограничений.

Исключение:

Не кодировать простую временность помощи без описания сохраняющихся механизмов.

Пример:

«Я уже не была в опасности, но всё равно не имела собственных денег и не знала, где буду жить дальше.»

Иерархия: Результаты и границы помощи 9.10.

9.11. Время институционального вмешательства

Определение:

Различие между скоростью предоставления непосредственного ресурса и длительностью изменения практик, отношений или ресурсной ситуации.

Включение:

Кодировать высказывания о том, что непосредственная помощь предоставляется быстро, тогда как устойчивые изменения требуют более длительного времени.

Исключение:

Не кодировать просто длительность пребывания или ожидания, если она не связывается с различием между краткосрочной помощью и долгосрочным изменением.

Пример:

«Место мне нашли почти сразу, но, чтобы действительно научиться жить самостоятельно, мне понадобилось гораздо больше времени.»

Иерархия: Результаты и границы помощи 9.11